

БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Круглый светлый, солнечный зал. Скамьи, расположенные амфитеатром. На стенах — портреты великих ученых.

В зале готовятся к началу торжественного выпускного акта. Старик сторож расставляет на столе президиума графины, колокольчик, стаканы и прочее.

Зал наполняется молодыми людьми.

У открытого окна стоит девушка. Она смотрит вниз. Внезапно ударяет кулачком по подоконнику.

Внизу — грузовик, с которого два человека сгружают кирпич.

Они стоят на платформе грузовика и небрежными, ленивыми движениями сбрасывают кирпичи на землю.

Многие кирпичи, падая один на другой, ломаются.

Девушка резко поворачивается и бежит к двери.

В этот момент в зал входит процессия профессоров. Старик сторож открыл перед ними дверь и пропускает их мимо себя.

Девушка сталкивается с очень старым и очень толстым профессором. Делает попытку протиснуться мимо него. Профессор пытается уступить ей дорогу, но толщина мешает ему быть галантным, и он сконфуженно подкручивает сивый ус.

Сторож в отчаянии — торжественный выход испорчен.

Профессор наконец проходит. Девушка устремляется в коридор.

Сторож (ей вслед). Ну куда тебя понесло, беспокойный ты человек!

Профессора рассаживаются за столом президиума.

Двор. Грузовик. Два громадных грузчика с добродушием гулливеров смотрят вниз, на девушку, которая стоит перед ними с обломком кирпича в руке.

Девушка. Вы понимаете, что вы делаете?!

Грузчик. Бросьте, гражданочка, кирпичик. Испачкаетесь!

Смеются.

Девушка. Нет, вы понимаете, что вы делаете?! (В ярости смотрит на грузчиков. Внезапно стаскивает одного из них за ногу вниз.)

Грузчик (смущенно). Вы кто такая? Откуда?

Девушка. «Откуда!» Оттуда! Вам обязательно надо знать откуда, потому что вы думаете, не начальство ли я. А думать надо не об этом, а вот о чем! (Тычет ему в лицо обломок кирпича.) Как вы думаете, сколько стоит каждый кирпич?

Грузчик. А кто его знает.

Девушка. Не знаете? А сколько стоит пол-литра, вы небось знаете?

Грузчики сконфуженно смеются.

Девушка. Почему не складывать кирпичи вот так? Вы, товарищ, стоите здесь, а вы — тут... (Показывает.)

Голоса. Наташа! Наташа!

Девушка поднимает голову.

Из окна второго этажа высовывается несколько голов и рук.

Юноша в очках (из окна). Наташа! Это скандал! Сию минуту иди сюда!

Наташа. Иду-у! (Грузчикам.) Я вас очень прошу, товарищи, не бейте кирпич. (Обольстительно улыбается.)

Грузчик (дружелюбно). Платье надо почистить, хозяйка, а то замуж никто не возьмет!

Наташа машет рукой и убегает.

В зале заминка. Председательствующий с листом бумаги в руках, улыбаясь, смотрит на дверь.

Лица студентов, обращенные к двери.

Вбегают Наташа и останавливается, смущенная общим вниманием. Ее белое платье — в кирпичной пыли. Лицо перепачкано.

Председатель (обращаясь к Наташе). Мы можем продолжать?

Общий смех. Такой бывает во всех учебных заведениях, когда сострит преподаватель.

Наташа совершенно растеряна.

Председатель. В числе отличников, окончивших в этом году философское отделение, мне хотелось бы назвать первым имя Натальи Касаткиной.

Зал и президиум аплодируют.

Наташа стоит у двери, растерянная и счастливая, не решаясь поднять глаза. Она счастлива так, как может быть счастливо в самый радостный день своей жизни существо женского пола, достигшее двадцати трех лет.

Аплодисменты усиливаются,
Наташа поднимает глаза.
Студенты ей улыбаются.
Она переводит взгляд.
Президиум ей улыбается.
Сердитый старик сторож улыбается ей.
Она смотрит вверх.

Великие ученые ласково улыбаются ей из своих золоченых рам.

Во дворе у грузовика. Грузчики методично и бережно укладывают кирпичи в штабель.

В палисаднике перед зданием института на скамейке сидит человек с большим, пышным букетом. Человеку лет пятьдесят. Он медвежеват. В очках. Элегантен.

Перед ним брюхом кверху лежит толстолапый дворовый щенок.

Человек водит палкой по его розовому младенческому брюшку.

Человек. До чего ты смелый песик, как я на тебя погляжу. Человек с палкой, а тебе не страшно. Ты ничего не боишься. Ты дьявольски храбр. Почему? Законный вопрос! А вот я тебе сейчас объясню. Просто тебя никто никогда не обижал. Но настанет день, и ты, как всегда, доверчиво и нахально положишь лапы кому-нибудь на белые брюки. Тебя огреют палкой. Тогда ты подожмешь хвост и превратишься в нормальную, недоверчивую дворнягу. И это, братец ты мой, будет первым твоим уроком в школе житейского опыта. Понятна тебе моя мысль?

Щенок потягивается и сладко зевает.

Человек смотрит в сторону, улыбается и встает.

Навстречу ему по лестнице сбегает Наташа в щебечущей толпе студентов и студенток. Рядом с Наташей идет юноша в очках. Это Павлуша Барабанов, или, как его зовут друзья, Барабан.

Наташа. Ну, конечно, мой папа — с цветами!

Бросается отцу на шею. Потом выхватывает из его рук букет.

Барабанов. Андрей Иванович, ну скажите хоть вы Наташке!... Ну посмотрите вы на нее.

Андрей Иванович вытирает платком Наташин перепачканный нос.

Андрей Иванович. Опять совала нос не в свое дело?

Наташа. Я сегодня сберегла государству по крайней мере сотню рублей. Барабан, ты видел, как они стали работать после того, как я с ними поговорила?

Барабанов молчит, задумчиво глядя себе под ноги.

Наташа (*дергает* его за *рукав*). Барабан!

Барабанов (*очнувшись*). Я все слышал, Наташенька. Ты абсолютно права.

Наташа (*ледяным* тоном). Что ты слышал? Пусть он скажет, что он слышал.

Барабанов (*неожиданно плачущим* голосом). Не мучай меня, Наташа! Ну, я не слышал. Я в это время думал...

Наташа. Ах, ты думал? Тогда расскажи нам, о чем ты думал!

Барабанов. Теперь ты меня сбила, и я уже не помню, о чем я думал.

Андрей Иванович. Наташа, не мучай Павлушу. Он настоящий философ, и он постоянно думает. Так и должно быть. Так было, вероятно, и с Демокритом. Но я вас еще не поздравил. Итак, дорогие мои, теперь вы — люди с высшим образованием. Но вам не следует забывать, что высшее образование налагает...

Наташа. Знаем, знаем. Налагает высокие обязательства перед обществом. Так?

Андрей Иванович. Так.

Наташа. Эту великолепную фразу нам только что сказал ректор в своей яркой и содержательной речи.

Андрей Иванович. Так... Серьезные разговоры с тобой немислимы! Тогда я просто поведу вас в шашлычную.

Барабанов (*внезапно оживляясь*). В шашлычную? Глубокая мысль!

Наташа. Папа, обрати внимание! Когда дело касается еды, Барабан все прекрасно слышит!

Барабанов сконфужен.

Андрей Иванович берет под руку Наташу и Барабанова, и все трое выходят на шумную летнюю улицу.

Громадная дубовая дверь с большой медной ручкой и колоннами по сторонам. Над дверью большая аляповатая вывеска:

РАЙОННЫЙ ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ имени 1 МАЯ.

Дверь открывается. Выходит швейцар, в валенках и фуражке с галунами. Он несет табуретку, молоток и кусок фанеры.

Швейцар прибывает к двери фанеру, на которой кривыми буквами выведено: **ХОД СО ДВОРА.**

Покончив с этим делом, швейцар удаляется.

По тротуару мимо клуба проходят в это время Андрей Иванович, Наташа и Барабанов. Они, жестикулируя, спорят о чем-то.

Андрей Иванович. Ты должна перестать вмешиваться не в свои дела.

Наташа. Ну хорошо, вообразите себе...

Внезапно глаза ее устремляются в одну точку, и она замолкает.

Фанера с надписью «Ход со двора».

Наташа (решительно). Вообразите себе, что мы пройдем сейчас мимо, а это свинство будет существовать еще целый год. И целый год люди будут по непонятной причине ходить в клуб со двора.

Андрей Иванович. Ну, дорогая моя, вообрази себе, что там происходит ремонт и дверь заколочена именно по этой причине.

Наташа. А мы сейчас выясним.

Андрей Иванович. Наташа, ты этого не сделаешь!

Наташа, не слушая его, убегает.

Андрей Иванович в смятении смотрит на Барабанова. Пауза.

Барабанов (внезапно *оживляясь*). А вы знаете, Андрей Иванович, я обдумал этот вопрос. Кажется, Наташа права.

Снова впадает в задумчивость.

За столом возле обитой клеенкой двери директорского кабинета сидит секретарша. Она завтракает, положив локти на выдвинутый ящик стола. Это пугливая особа, вздрагивающая от каждого шороха. Даже ест она деликатно и боязливо, как кролик.

В комнату входит швейцар с молотком.

Секретарша вздрагивает. При этом изо рта у нее выпадает кусок хлеба.

Швейцар. Пусти-ка меня к Ивану Семеновичу.

Секретарша торопливо обтирает губы, потом со страхом подходит к двери с табличкой: ДИРЕКТОР И. С. ГУСАКОВ.

Она открывает дверь и впускает швейцара в кабинет.

Кабинет. Конечно, необозримый письменный стол, конечно, приставленный к нему перпендикулярно длинный стол для заседаний, конечно, кожаные кресла, предназначенные для вдумчивых бесед с посетителями, и, конечно, особый столик с телефонами и кнопками.

За столом, в кресле, сидит Гусаков. Он в пиджаке, из-под которого видна украинская рубашка, и в тяжелой мохнатой кепке на бритой голове. На лацкане пиджака — эмалированный флажок, похожий на те, какие бывают у депутатов.

Гусаков старательно, высунув язык, делает бумажную птичку. К тому времени, как в комнату входит швейцар, птичка готова и ее можно пускать. Гусаков тщательно разглаживает птичку, но, увидав швейцара, быстро накрывает ее папкой.

Гусаков. Прибил? Давай молоток!

Берет у швейцара молоток и прячет его в стол.

Швейцар (с убеждением). Все равно сорвут, Иван Семенович. Вот увидите. Ведь у нас в клубе как... Сегодня приберешь —

завтра сорвут, сегодня подметешь — завтра насорют, сегодня почишь — завтра сломают. *(Тяжело вздыхает.)*

Гусаков *(косясь на кончик бумажной птички, выглядывающей из-под папки)*. Давай, давай, товарищ Котов, видишь — человек работает.

Выпроваживает швейцара из комнаты, поспешно хватает птичку, становится на стул и собирается запустить ее.

В этот момент в дверях появляется Наташа с букетом в руках.

Гусаков делает вид, что поправляет инвентарный номерок, висящий на люстре.

Наташа. Могу я видеть директора?

Гусаков. Я директор.

Наташа. Скажите, пожалуйста, почему у вас заколочена входная дверь?

Гусаков. А вы откуда?

Наташа. Я ниоткуда. Просто мне хочется знать.

Гусаков. Я спрашиваю, вы от какой организации?

Наташа. Ни от какой. Я просто проходила мимо, и мне захотелось узнать.

Гусаков *(слезая со стула)*. Так вы что ж, от райсовета?

Наташа. Да нет, товарищ, вы меня не поняли. Меня никто не посылал. Я сама пришла. Просто сама.

Гусаков. Как так — просто?

Наташа. Ну, вот представьте себе, вы идете по улице и видите — что-то не так. Вы ведь заинтересуетесь? *(Молчание.)*

Гусаков *(испуганно)*. Вы что — депутат?

Наташа *(плачущим голосом)*. Да нет же! Я не депутат. Меня никто не посылал. Я ниоткуда. Я вас спрашиваю просто, по-человечески: почему вы забили входную дверь?

Гусаков. Забили — значит, надо. *(Вдруг припадочным голосом.)* Тебе какое дело? Ты кто? Откуда? Ходят... Бегают... Кто такие? Почему? Бегают. Ходят. Кто пустил? Тут вещи лежат!

Оттесняет Наташу к двери.

Последние возгласы Гусакова доносятся до секретарши. У нее изо рта опять выпадает кусок бутерброда.

Андрей Иванович и Барабанов стоят на тротуаре, там, где мы их оставили. Молча ждут.

Из ворот выходит Наташа. Она идет, опустив голову, чувствуя на себе взгляды отца и Барабанова.

Снова в кабинете Гусакова. Он стоит на стуле и запускает бумажную птичку.

Шашлычная. Играет кавказский оркестр. За столиком сидят наши друзья. От, их недавнего смущения не осталось и следа. Андрей Иванович и Барабанов потирают руки при виде яств, которые ставит перед ними официант в запятанном кителе.

Наташа наливает себе ситро.

Делает глоток и с отвращением ставит недопитый стакан на стол.

Наташа. Теплое, как суп! (Обращаясь к официанту, который принес в это время блюдо с шашлыком.) Скажите, товарищ, вы что, подогревали это ситро, что ли?

Официант. Какое дали, такое принес. (Уходит.)

Андрей Иванович. Наташа, перестань, я категорически этого требую!

Наташа, закусив губу, замолкает и принимается раскладывать по тарелкам шашлык.

Барабанов (Андрею Ивановичу, шепотом, боязливо поглядывая на Наташу). Шашлык совершенно холодный.

Наташа швыряет салфетку и молча поднимается.

Андрей Иванович и Барабанов (хором). Наташа, ты этого не сделаешь!

Наташа машинально хватается за букет — в этот момент она, очевидно, воспринимает его как оружие — и, не оглядываясь, убегает.

Размахивая букетом, она идет между столиками.

Маленькая дверь с надписью: ДИРЕКТОР.

Наташа на мгновение останавливается у двери, тяжело вздыхает, потом решительно открывает ее.

В крошечном кабинетике навстречу ей поднимается из-за стола пожилой человек свирепого вида, в кавказской рубашке.

Директор (с легким грузинским акцентом). Чем могу служить?

Наташа (прижимая к груди букет). Понимаете, нам подали теплое, как суп, ситро и совершенно холодный шашлык. И дело не в том, что так подали именно нам. Из-за этого я не стала бы вас беспокоить...

Директор. Понимаю вас, но трудно поверить. В нашем ресторане такие курьезы невозможны.

Наташа. Уверю вас. Пойдемте, я вам покажу.

За столиком Андрей Иванович и Барабанов ждут с тем же тоскливым видом, с каким они ждали Наташу возле клуба.

К столику подходят Наташа и директор.

Директор. Прошу прощения. От вашего стола поступила жалоба.

Андрей Иванович. Дело в том, что моя дочь...

Директор. Один момент. (Наливает в стакан *немного* ситра

и пробует. Потом съедает кусочек шашлыка. Лицо его мрачнеет,) Абсолютно верно. (Знаком подзывает официанта). Датико, знай: холодный шашлык — это позор для нашего ресторана. (Обращаясь к Наташе, пока официант убирает со стола.) Очень вам благодарен. Очень. (Андрею Ивановичу.) Ваша дочь, наверно? Счастливым отцом!

Все облегченно вздыхают. Наташа в восторге. Она протягивает директору букет.

Директор с поклоном отстраняет букет, выдергивает из него один цветок и, прижимая его к груди, уходит.

Наташа. И никогда, понимаете, никогда не мешайте мне вмешиваться в то, что вы называете не моим делом!

Улица.

У тротуара — такси, в котором дремлет шофер.

По тротуару идут наши друзья.

Подходят к такси.

Андрей Иванович открывает дверцу.

Шофер (угрожающе). Куда?

Андрей Иванович. К новым домам, потом на Первомайскую.

Шофер (захлопывая дверцу). Не повезу.

Наташа. Как так — не повезете?

Шофер. Объясняют вам, нет бензина. Кажется, понятно?

Наташа берет за ручку двери шоферской кабины.

Андрей Иванович хватает Наташу за руку.

Андрей Иванович (драматическим шепотом). Я тебя умоляю!..

Наташа вырывается, заглядывает в кабину и, торжествующе, указывая пальцем на счетчик бензина, весело и дружелюбно говорит оторопевшему от неожиданности шоферу.

Наташа. Ну, вот видите, я так и знала. У вас полный бак. С этими словами она открывает дверцу машины и ставит ногу на подножку.

Шофер нажимает стартер.

Машина, зарывав, неожиданно трогается. Наташа падает и некоторое время остается сидеть на тротуаре, растерянно глядя на отца и Барабанова.

Наташа сидит в кресле. Андрей Иванович ходит по комнате.

Андрей Иванович. Наташечка, девочка, ты пойми — я ничего не требую, я не хочу навязывать тебе свои взгляды на жизнь. Я хочу только доказать тебе, что ты не права. Это совершенная бес-

смыслица — то, что ты собираешься сделать. Блестяще кончила философский факультет, задумала интереснейшую кандидатскую диссертацию — и бросить все это! Ради чего? Ради того, что ты именуешь практической деятельностью. Разве это практическая деятельность? Эта суета, вроде сегодняшней...

Наташа (сухо). Все, что ты считаешь суетой, по-моему, — правильное и необходимое дело государственной важности.

Андрей Иванович смеется.

Наташа. Смейся, смейся. А что такое твоя хирургия, как не ежедневная практическая деятельность? Назови мне хоть одного великого медика, который, двигая вперед науку, одновременно не вскрывал бы опухолей, не лечил переломов, не ампутировал ног. А от меня ты требуешь, чтобы я равнодушно проходила мимо хамства, невежества, косности, с которыми я считаю своим долгом бороться, как ты борешься с гангреной.

Андрей Иванович. Дорогая моя, ты забываешь, что больные, которых я лечу, сами приходят ко мне в больницу. Я их оперирую, когда они меня просят об этом, а не кидаюсь с ножом на незнакомых людей.

Наташа (запальчиво). Значит, ты плохой врач. Если ты знаешь, что человек болен и что ты можешь его спасти, ты обязан добиться, чтобы он согласился лечь на операционный стол, то есть, выражаясь твоими же словами — да, да, да! — кидаться с ножом на незнакомых людей!

Андрей Иванович. Ну, знаешь... Поговорим лучше о твоём будущем.

Наташа. Все уже решено. Я получила ответ.

Протягивает Андрею Ивановичу бумажку, которую она перед тем вертела в руках.

Крупно: бумажка в руках Андрея Ивановича.

«В ответ на Ваше заявление сообщаем, что решением от 23. VI. с. г. Вы направляетесь на работу в качестве директора районного Дворца культуры им. 1-го Мая.

Зав. отд. кадров (подпись).

Секретарь (подпись)».

Андрей Иванович. Ты шальная, беспокойная девчонка! Я... я не могу одобрить твоего поступка. Один раз, случайно, ты на минуту забежала в скверный клуб — и тотчас же тебя охватило какое-то детское желание все там переустроить своими руками... Надо же! Побежала в райком, подняла там целую историю, и вот — допрыгалась! Я знаю все твои аргументы. Всю твою философию малых дел. Стране нужны не маленькие подвиги добрых девочек, а сотни тысяч образованных людей, занимающихся своим делом. Слышишь ты — своим делом! Тебя учили не для того, чтобы ты торчала в клубе в качестве директора, прибавала к мебели инвен-

тарные померим или, в лучшем случае, воевала с поваром из-за украденного шницеля.

Наташа рассеянно перебирает фотографии в рамках. По фотографиям можно проследить всю Наташину жизнь. Традиционный голый младенец на традиционной подушке, крошечная девочка с мячом • руках, девочка лет десяти на ручке кресла, в котором сидит молодой черноусый Андрей Иванович, отец и дочь, стоящие рядом.

Голос Андрея Ивановича. Государство обучало тебя самой высокой из наук — философии. А ты растрачиваешь это богатство па пустяки.

Наташа. Сделать самолет — это половина работы. Нужно еще научить людей летать на нем. Мы этого добились. Построить отличный клуб, комфортабельный жилой дом или отделанный мрамором ресторан — этого мело. Нужно добиться, чтобы в новом клубе людям было приятно, интересно, чтобы в новом доме не разводили клопов и тараканов, а в новом ресторане пьяные командированные не дрались портфелями.

Андрей Иванович. Как ты не понимаешь! Построить заводы, клубы, дома, мосты, Дороги, города — одним словом, все, что только возможно построить, — это в нашей власти. Но сразу же добиться того, чтобы люди не дрались портфелями и не забивали входных дверей в новых домах, — невозможно. Это придет само через тридцать или пятьдесят лет. Человеку свойственно привыкать к хорошему. Придет время и — он привыкнет.

Наташа. А сегодня ты предлагаешь мне писать диссертацию о французских просветителях и не бороться с людьми, которые портят нам жизнь?

Андрей Иванович. Оставь Ты в покое этих людей. В конце концов, они не так уж плохи.

Наташа. Подумай, что ты говоришь! Ты хочешь, чтобы я не замечала людей, которые меня окружают, отстранилась от них...

Андрей Иванович. А по-твоему, ты внимательна к людям? Ты уверена, что, когда ты вступаешь в перебранку с шофером, ты проявляешь внимание к человеку?

Наташа. Да. Уверена!

Андрей Иванович. Было бы лучше, если бы ты проявляла внимание к людям, среди которых ты живешь, — к близким, к друзьям.

Наташа. Не понимаю...

Андрей Иванович. Вот в том-то и дело, что ты не понимаешь. В том-то и дело. Ты добрая, горячая и, кажется, неглупая девочка, но ты ясно видишь только то, что удалено от тебя. Какая-то странная душевная дальность!

Наташа (запальчиво). Дальnozоркость в политике гораздо лучше, чем близорукость.

Андрей Иванович. «В политике»! Какая там политика! Четыре года просидела в университете на одной скамье с человеком, который в тебя без памяти влюблен, и умудрилась этого не заметить.

Наташа (она смущена). Как — не заметить? Погоди-ка... Я... (С внезапной уверенностью.) В меня никто не влюблен!

Андрей Иванович. Так вот. В тебя влюблен Павлуша Барабанов! Уже очень давно. И все вокруг видят это. И только ты одна...

Наташа. Нет, папа, Ты ошибаешься. Павлуша? Этого не может быть!

Андрей Иванович. Понаблюдай за ним — и ты увидишь сама.

Наташа. Павлуша? Барабанов? Я у него спрошу.

Андрей Иванович (с ужасом). Наташа, ты не сделаешь этого!

Сквер. По дорожке идут Наташа и Барабанов. Наташа несет папку, завернутую в газету.

Наташа. Нет, я несколько с ним не поссорилась. Просто он считает, что мне не надо было соглашаться на это назначение! А я чувствую, я уверена, что поступаю правильно. Правда?

Барабанов молчит. Он задумался.

Наташа (дергает его за рукав). Барабан!

Барабанов (очнувшись). Я все слышал, Наташенька, ты все-сторонне и абсолютно права.

Наташа хочет что-то сказать, потом машет рукой и смеется. Барабанов тоже смеется.

Наташа вдруг делается серьезной. Она останавливается и, взяв Барабанова за обе руки, поворачивает его к себе.

Наташа. Павлуша, папа сказал мне, что ты в меня... ну, в общем, что ты меня любишь. Это правда?

Барабанов (грустно). Да. Правда.

Зал клуба. Урок бальных танцев* Дело это известное. Толстощекий человек в дивно выглаженных брюках, с туго обтянутым задом и балетной улыбкой, застывшей на губах, демонстрирует со своей усталой партнершей па вальса. Несколько десятков пар, готовых пуститься в пляс, напряженно следят за его ногами.

Учитель танцев. Начали. Два-три!..

Пианист ударяет по клавишам. В это мгновение рядом с ним появляется человек в кавказской рубашке, но с абсолютно некав-

казским, круглым, белесым, плутоватым лицом. В руке у него молоток. Не обращая внимания на происходящее в зале, он принимается прибавить к боковой деке фортепиано инвентарный номерок. Как явствует из его действий, это комендант клуба.

Ужасный стук молотка.

Музыка замолкает. Танцующие останавливаются.

Комендант (его фамилия Драпкин) в полной тишине, под ненавидящими взглядами присутствующих заканчивает свою работу. Любуется делом своих рук.

Драпкин (обращаясь к пианисту, бодро). Шибко играешь. Разобьешь инструмент, а отвечать кто будет?

Пианист (плаксиво). Вы бы лучше, товарищ Драпкин, отпустили средства на настройку инструмента. Танцующие обижаются. Просим, говорят, просим...

Драпкин. Стыдно просить. Работать надо.

Уходит, строго поглядывая по сторонам.

Учитель танцев (тяжело вздохнув). Начали. Два-три!..

Комендант идет по коридору, открывая все двери и хозяйственно заглядывая в каждую из них.

В одной из комнат, склонившись над досками, сидят шахматисты. На стене — плакат: «Ударим шахматами по хулиганству». Драпкин, войдя в комнату и не говоря ни слова, тушит все лампочки, кроме одной.

Дружный вой шахматистов. Один из них, пожилой человек с обвисшими усами, подбегает к коменданту:

— Ничего же не видно! Не разберешь, где черные, где белые!

Драпкин. Разберешь! За перерасход электроэнергии кто отвечать будет? (*Идет дальше по коридору, входит в библиотеку.*)

Библиотекарша в этот момент протягивает стоящему у стола человеку толстую книгу в дорогом переплете.

Драпкин (*кладет руку на книгу*). Стоп! Не выдавать.

Библиотекарша. Почему, товарищ Драпкин?

Драпкин. Сколько раз говорил: дорогие книги на руки не отпускать. Пропадет книга — кто отвечать будет? И так по библиотечному фонду перерасход. (*Уходит.*)

Библиотекарша и посетитель оцепенело глядят друг на друга.

Драпкин подходит к двери с табличкой: «Замдиректора И. С. Гусаков». Приоткрывает ее и заглядывает внутрь.

Гусаков, сидя у своего стола, дремлет с открытым ртом. Кепка на его стриженной голове выглядит так, будто он не снимает ее ни днем, ни ночью.

Гусаков (*открывая глаза*). Прибил?

Драпкин. Прибил, Иван Семенович.

Гусаков. Давай.

Берет из рук коменданта молоток и прячет его в стол.

У входа в клуб. Подходят Наташа и Барабанов. Тихо. Безлюдно. Пусто. На двери все тот же кусок фанеры с надписью «Ход со двора».

Барабанов. Наташенька... (Пауза). Что я хотел тебе сказать... Да... вот что... Если тебе когда-нибудь понадобится друг, настоящий друг, то ты помни, что я...

Наташа. Ну, конечно. Спасибо, Павлуша, я никогда и не сомневалась. Ты все-таки не сердись на меня.

Барабанов. Ну что ты! За что ж на тебя сердиться!

В бильярдной. Здесь два стола. Один из них полуразломан, свет над ним не горит. Сукно на нем изорвано. Другой еще держится, хотя и производит безотрадное впечатление. Вокруг него — небольшая кучка молодых людей. Все они одушевлены страстным желанием поиграть. Но желание это несбыточно, потому что стол занят Васькой Русаковым и его компанией.

Человек из толпы. Вася, имей совесть! С утра играешь.

Васька. Клади пятерку в лузу — сыграем! (Партнеру.) Режу туза в среднюю.

Входит Драпкин.

Человек из толпы. Товарищ комендант, это что ж получается?

Драпкин. А что получается?

Человек из толпы. А то получается, что люди ждут два часа, а Вася гусаковский никого не подпускает.

Васька. Я очередь занял. С кем хочу — с тем играю.

Второй человек. Безобразие какое! Ведет себя здесь как хозяин. Всем хочется сыграть.

Драпкин (участливо). Поиграть хочется? Ай-ай-ай, какой любитель бильярда! Другого развлечения не нашел! А кажется, человек интеллигентный!

Васькина компания хохочет.

Драпкин. А вы бы, гражданин, прошлись по клубу, плакаты бы почитали на стенках. Для вас вешали. Там, наверху, у нас установлена интересная агитпирамида. Три тысячи стоила. Пошли бы полюбовались, чем здесь толпиться.

Человек из толпы (обращаясь к остальным). Называется комендант! К нему обращаешься за порядком, а он...

Драпкин (закатив глаза). Идите, идите, граждане! И так бильярд поломали. Отвечать кто будет? Идите, идите, сейчас уборка начнется...

Вытесняет посетителей. Остается только Васька с компанией. Драпкин (обращаясь к Ваське). Ну!..

Васька. Чего «ну»?

Драпкин. Гони монету. Сколько наиграл сегодня?

Васька. На, держи десятку. За два дня будет. (Презрительно.)

Комендант!

Драпкин (берет у Васьки деньги. *Слюнявя пальцы, считает мятые рубли и грешки*). Набросали здесь, накурили, пожар мне еще устроите. А отвечать кто будет? Драпкин? Кто вчера на лестнице стекло разбил? Смотри, Васька, папаше скажу.

Васька (очень спокойно). Тогда уж скажи, как ты у нас деньги берешь.

Драпкин. А ну вас!

Уходит.

Вестибюль. Драпкин выходит из бильярдной и пальцем подзывает швейцара, стоящего у окна с газетой.

Драпкин. Где шатаешься, борода? Постереги, пока там молодежь занимается, а то кто-нибудь посторонний зайдет.

В вестибюле появляется Наташа.

Драпкин. Двери за собой надо закрывать, гражданка. Швейцаров за вами нету!

Наташа. А это разве не швейцар? (Смеется).

Драпкин. Ах, скажите, какая барыня! Пожалуйте! Товарищ Котов, отворите им все двери, коврик им постелите! Шляются тут!

В продолжение этой тирады Наташа, поежившись, проходит мимо коменданта. Поднимается по лестнице.

У двери кабинета Гусакова. Наташа подходит и стучит. Не дождавшись ответа, заглядывает в кабинет. Там — все то же. Гусаков спит, разинув рот. Наташа минуту колеблется, потом прикрывает дверь, отходит от нее и медленно идет по коридору, разглядывая надписи на стенах.

Крупно — табличка с надписью: **УВАЖАЙТЕ ТРУД УБОРЩИЦ!**

В углу под ней — переполненная мусором урна.

Наташа идет дальше. Поперек коридора протянут транспарант: **БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ РАЗНЫМ ВОПРОСАМ!**

Дверь. На двери надпись: **КОМНАТА КРУЖКОВОЙ РАБОТЫ.**

Наташа входит. В комнате пусто и грязно. Посредине стоит стол, покрытый кумачом. Стены увешаны надписями, воззваниями и фанерными щитами с наклеенными на них вырезками из газет. В центре — большой плакат:

ПОДНИМЕМ КЛУБНУЮ РАБОТУ НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ!

Рядом — несколько запретительных надписей и воззваний:

НЕ ЛОМАТЬ, НЕ ПОРТИТЬ КУЛЬТИНВЕНТАРЫ

**НЕ НАРУШАЙ ТИШИНЫ!
ТЯЖЕЛУЮ АТЛЕТИКУ — В МАССЫ!
УДАРИМ ПО СРЫВЩИКАМ КЛУБНОЙ РАБОТЫ!**

Наташа очень тяжело вздыхает и выходит из комнаты. В коридор доносится музыка из танцевального зала. Полутемно, безлюдно. Наташа смотрит на часы, висящие в коридоре. Они показывают девять часов.

Буфет. За стойкой — буфетчица. Это жена Гусакова, Олимпиада Григорьевна, или попросту Липа. Она из тех, которые скандалят в очередях, злобно грызутся в трамваях, никому никогда не верят и глубоко убеждены, что земной шар населен жуликами.

Липа перетирает стаканы. Рядом с ней, грациозно облокотившись на прилавок, стоит Драпкин.

Липа. Мой дурак спит?

Драпкин. Дрыхнет. Чего ему делать!

Липа. Меньше бы дрых — давно бы директором назначили. А то старого директора выжил, а толку что? Так и остался заместителем.

Драпкин. Я так предполагаю, Олимпиада Григорьевна, что ваш супруг, извините меня, — не тянет...

Липа. Прямо как подумаю, что могут назначить нового директора, так у меня в груди что-то — щелк! Как подумаю, так сразу — щелк!

К стойке подходит Наташа. Над стойкой плакат:

ПРОЗБА РУК О СКАТЕРТИ НЕ ВЫТЕРАТЬ

Наташа оглядывается и видит несколько колченогих столиков, ничем не покрытых.

Наташа. Можно у вас попросить стакан чаю?

Липа (продолжая беседовать с Драпкиным). Подождешь!

Наташа рассержена. Она готова вступить в борьбу. Но в этот момент откуда-то доносятся страшные крики.

Бильярдная. Васька Гусаков и его партнер, конопатый мальчик, схватившись за кий, стараются вывернуть его друг у друга из рук. Остальные бильярдисты из Васькиной компании криками подбадривают дерущихся.

Конопатый мальчик (нудным голосом). Шо ты мне рюки крутишь?

Васька. Проиграл — клади деньги!

Конопатый. А кто шара переложил, пятнадцатого? Думаешь, я не видел?

В бильярдную вбегают Наташа, Драпкин и Липа со стаканом и полотенцем в руках.

За ними проникают в бильярдную несколько изгнанных перед тем любителей бильярдной игры и швейцар Котов.

Васька. Проиграл — плати!

Конопатый (обращаясь к вошедшим). Он мне рюки крутит!

Васька отпускает конопатого мальчика.

Наташа. Где тут комендант?

Драпкин. А ты кто такая?

Наташа (указывая на Ваську и Конопатого, спокойно). Этих двоих надо вывести из клуба.

В круг врывается Гусаков в кепке.

Гусаков. Кто кричал? Граждане, очистите помещение! Товарищ Драпкин, почему не обеспечил?!

Драпкин. Обыкновенное дело, Иван Семенович, молодежь балуется, а вот эта гражданка скандалит.

Гусаков. Кто такая? Откуда?

Липа (гладит Ваську по голове). Напала на ребенка. Такая нахалка.

Гусаков. Кто пустил? Какое право? Ходят... Инвентарь ломают.

Наташа (указывая на Ваську). Вот этих нужно сейчас же убрать отсюда.

Гусаков (истерически). А ты что за командирша? Какой организации? Товарищ Драпкин, удалите гражданку.

Наташа. Я назначена директором этого клуба.

Протягивает бумагу.

Здесь происходит немая сцена, совсем как в гоголевском «Ревизоре», с той только разницей, что там после немой сцены занавес опускается и актеры идут разгримировываться, здесь же действующим лицам надо жить дальше и что-то предпринимать.

Гусаков. Ага. Так, так. Ага. Товарищ Драпкин! А? Обеспечьте товарищу. Липочка, чайку организуй для директора. Граждане, ничего тут нет интересного. Ничего... Ничего интересного... Не надо, не надо стоять. Не на улице. Васенька! (Наташе.) Это сынок мой, шустрый мальчик. Иди, Васенька, пока я тебе уши не оборвал. А выводить... а-а-а... не надо. Вы, товарищ директор, его на первый раз... а-а-а... извините. Его и так из школы выгнали. А если что еще, вы мне скажите, я сам. Васька, пошел домой! Липочка!.. Это моя жена. По совместительству. Буфетчицей. Как бы сказать — движение жен. Боевая подруга. (Хлопает Липу по жирному плечу.)

Липа. А мы так ждали нового директора, думали, будет какой-нибудь старик. А он, оказывается, женщина. Вы, извиняюсь, партийная?

Наташа. Да.

Липа. Такая молоденькая — и уже партийная. Мой тоже партийный.

Драпкин (рявкает). В части порядка, может, будут какие-нибудь приказания, чтоб обеспечить бесперебойную работу?

Наташа (обращаясь к Русакову). Вы ведь, кажется, заместитель директора?

Гусаков. А-а-а. Заместитель.

Наташа. И давно вы здесь работаете?

Гусаков. Второй год.

Наташа. А раньше где работали?

Гусаков. А-а-а... тут, в продмаге номер шестьдесят восемь. Заведующим.

Наташа. А еще раньше?

Гусаков. А-а-а... в стройканализации. В отделе снабжения...

Тоже заведующим.

Наташа (*Драпкину*). А вы?

Драпкин (бодро). А мы вместе с Иван Семеновичем. Куда он — туда я.

Липа (разъясняет). Куда Он — туда он.

Наташа. Ну, я пойду. Завтра встретимся. Очень рада была с вами познакомиться, товарищи. (Оглядывается вокруг. На какое-то мгновение в ее глазах появляется выражение тоски, но она тотчас же берет себя в руки.) Что ж, товарищи, я думаю — мы сработаемся. Дружно возьмемся, все вместе, — потянем и вытянем! (Пытается улыбнуться.) Знаете, как в сказке — дедка за репку, бабка за дедку?

Ни тени улыбки не появляется на лицах Наташиных собеседников...

Наташа. Ну, до свидания! Да, товарищ Гусаков. Я оставляю вам экземпляр моего плана. Я тут набросала план перестройки работы в клубе. Почитайте, подумайте, с чего начать. Спокойной ночи!

Пожимает руки Гусакову, Липе и Драпкину. Они провожают ее до дверей. Некоторое время смотрят ей вслед.

Драпкин (передразнивая Наташу). «Рада была познакомиться... «Дедка за репку»!.. Ну, Иван Семенович, с вас на пол-литра. Это прямо подарок, а не директор. Мы такую на котлеты рубить будем.

Столовая в квартире Касаткиных. У стола сидит Андрей Иванович с газетой. На столе — два прибора, электрический чайник. Рядом с прибором Андрея Ивановича лежат часы.

Входит Наташа. По всему видно, что она предпочла бы пройти в свою комнату, не разговаривая с отцом. Но он останавливает ее.

Андрей Иванович. А ужин как же?

Наташа. Я не буду ужинать, папа. У меня голова болит.
Уходит.

Андрей Иванович очень серьезно смотрит ей вслед.

Комната секретарши директора клуба.

Секретарша, встав на цыпочки, вытаскивает из стеклянной таблички, приколоченной к директорской двери, узкую картонку с надписью «И. С. Гусаков» и вставляет другую, на которой значится: «Н. А. Касаткина».

Быстро входит Наташа, Она полна утренней бодрости и оптимизма.

Останавливается за спиной секретарши.

Наташа (весело). Что это вы затеяли?

Секретарша вздрагивает и роняет картонку. Наташа поднимает ее и читает...

Крупно: «И. С. Гусаков».

Секретарша. Вы меня так испугали. Я такая нервная. **(Доверчиво.)** К нам назначили нового директора, и вот я меняю ихние кабинеты. Для зама у нас другой кабинет.

Подходит к двери напротив и вставляет в табличку «Замдиректора» картонку с надписью «И. С. Гусаков».

Наташа с любопытством заглядывает в эту дверь.

Секретарша. А вы, товарищ, по какому делу?

Вынимает из стола бутерброд и начинает его есть.

Наташа. А я и есть тот самый директор, для которого вы тут старались.

Кусок застревает в горле у секретарши.

Наташа. Скорей смотрите на потолок!

Бьет секретаршу ладонью по спине.

Секретарша (отирая слезы). Я так ждала нового директора и так обрадовалась, что он — женщина... И вот подавилась. Ужасно всегда переживаю!

Наташа открывает дверь директорского кабинета.

Наташа. Здесь сидит товарищ Гусаков?

Секретарша. Да, Иван Семенович. Пока не было директора. А теперь, значит, вы здесь будете.

Наташа. Зачем? Пускай он здесь и сидит. Он, вероятно, привык. А я буду в меньшей комнате.

Секретарша (уклончиво). Не знаю. Директору все-таки полагается. (С неудовольствием *меняет картонки.*)

Наташа. И прекрасно. А теперь созовите мне всех работников клуба.

Секретарша. Общее собрание?

Наташа. Да нет, просто поговорим, познакомимся.

Секретарша (успокоенно). Значит, общее собрание. Сейчас.

Уходит.

Наташа входит в свой кабинет. Осматривается. Садится за письменный стол, делает строгое лицо, потом выдвигает ящики. Они пусты. Берет телефонную трубку.

Вскакивает и начинает передвигать стол так, чтобы свет был с левой стороны.

В кабинет входят сотрудники, вносят с собой стулья, рассаживаются. В комнате становится тесно. По мере того как люди появляются, Наташа здоровается с каждым из них, каждый раз называя свою фамилию.

Наташа (*подождав, пока все рассядутся*). Не знаю, товарищи, как у вас было заведено раньше, но, я думаю, мы устроим так: каждый из вас в любое время может прийти ко мне со своими вопросами, мыслями, предложениями. Будем работать дружно. Жалко, нет товарища Гусакова. Впрочем, у него есть копия моего плана. (*Вынимает из портфельчика аккуратную папку, раскрывает ее.*) Какова основная задача всякого производственного коллектива? Ясно видеть и понимать цель своей работы. Скажем, на часовом заводе. Цель в том, чтобы выпускать на рынок такие часы, которые не отставали бы, не спешили, служили достаточно долго и красиво выглядели. Или трамвайный парк. Как можно больше вагонов, никаких аварий, регулярные рейсы. Цель? Перевезти как можно больше людей и чтобы им при этом было как можно удобнее. Ну, а клуб? Вот наш Дворец культуры. Конечно, все вы знаете, какова у нас цель. Воспитывать людей в коммунистическом духе. Но это гораздо труднее, чем сделать часы. Люди научились делать часы задолго до Октябрьской революции. А клубов, таких, как у нас, не было никогда. Их надо было изобретать, строить на пустом месте. И не удивительно, что в клубах у нас множество недостатков — они скучны, неудобны, пропаганда в них ведется примитивными средствами, людей без конца убеждают в том, в чем они уже давно убеждены. Вместо того чтобы дать возможность нашим посетителям выбрать хорошую книгу, показать им хороший спектакль и помочь разобраться в нем, организовать интересный доклад, привить людям вкус и умение обставить свое жилище, внушить им любовь к спорту, хорошо и вкусно их накормить, дать им возможность встретиться с друзьями в приятной и удобной обстановке — словом, вместо того чтобы сделать клуб необходимым для человека, мы встречаем этого человека грязью и пыльными транспарантами. Вот у вас над входом написано: «Привет восьмой районной конференции работников госторговли!» А ведь эта конференция была в прошлом году.

Смех.

Комната Гусаковых.

Васька, в подтяжках, но уже гладко прилизанный, подкручивает патефон, из которого несутся звуки песни «Раскинулось море широко...» в исполнении Леонида Утесова и его джаз-оркестра.

Липа, в папильотках, сидит в кровати, мечтательно слушая музыку.

Гусаков, в кепке, завязывает перед зеркалом галстук.

Гусаков (*грустно подпевает*). «Напрасно старушка ждет сына домой...».

Вестибюль клуба. Вниз по лестнице бежит Драпкин.

Открывает дверь в комнату Гусакова.

Липа с визгом закрывается одеялом.

Драпкин. Липа Григорьевна, пардон, я не смотрю! Иван Семенович, собрала общее собрание. Речь говорит.

Гусаков поспешно натягивает пиджак.

Оба выходят.

Снова кабинет Наташи.

Наташа. ...Все это, товарищи, привело к тому, что в клубе у нас никто не бывает. За последние десять дней было зарегистрировано сто сорок два посетителя. Да и то они приходят главным образом на уроки танцев. Почему это произошло? Потому что люди, придя к нам в клуб, находят в нем пустоту, скуку, темень, духоту, грязь и вздорные назидательные плакаты на стенках. Чего, например, стоят эти обращения: «Уважайте труд уборщиц!»? Я подсчитала. Их у нас в клубе висит сорок пять штук. А уважать в нашем клубе уборщиц не за что. Они плохо работают.

Уборщица (с места). Это почему же уборщицы виноваты?

Наташа. Я сейчас кончу говорить и дам вам слово. Так вот... Если мы дружно возьмемся за дело, мой план перестройки работы можно будет легко выполнить. Уверяю вас, товарищи. Была бы охота.

Пауза.

Наташа. Кто хочет говорить?

Библиотекарша. Можно мне? Вы поверите, товарищи, когда я слушала нового директора, мне хотелось плакать. За много лет, что я здесь работаю, к нам наконец ворвался свежий ветер.

Человек бухгалтерского вида. Правильно!

Библиотекарша. Ну конечно, правильно. И не о чем тут говорить. Прекрасный план — продуманный, смелый, простой. И если мы его проведем, у нас будет лучший клуб в городе.

Голоса. Правильно! Правильно!

Библиотекарша. Ну конечно, правильно. И я на этом кончаю.

Уборщица. А теперь я скажу. Нас, уборщиц, здесь пять: Дуся, Катя, Нюра, еще Нюра и я.

Швейцар (усмехаясь). Тоже Нюра.

Уборщица. Тоже Нюра. И сколько мы все ни работали на разных местах, никогда у нас не было такого, между прочим, поганого места.

Дуся. Ты скажи про спецодежду.

Уборщица. Я про все скажу. Почему уборка плохая? Потому, что мы не на клуб работаем, не на государство, а на замдиректора, товарища Гусакова. (Движения в зале). Только за тряпку возьмешься, сразу начинается музыка: Нюра, беги на огород, рассаду полей. Нюра, беги, свинья зашла в гараж, бензину напьется, сдохнет. Что это за клуб такой? Свиньи, голуби, куры, утки — чисто единоличное хозяйство. Я все скажу. И жена замдиректора, Липа Григорьевна. И ихний Васька. Дохнуть не дают. Только на них и работаем. Я про все скажу. Пусть будет самокритика.

Голоса. Захватили две лучшие комнаты в клубе и там живут.

— Ковров себе наташили.

— Нюра, ты про сад расскажи, расскажи про сад.

Уборщица. Ну, так слушайте, товарищ новый директор. Был у нас в клубе сад...

Входит Гусаков в сопровождении Драпкина. В кабинете воцаряется тишина.

Гусаков. Почему шум, а драки нету? (Глупо смеется. Драпкин усердно вторит ему.) Ничего, ничего, товарищи, продолжайте, продолжайте. Я здесь постою. В уголочке.

Наташа. Продолжайте, товарищ Зайкина.

Уборщица молчит.

Наташа. Что же вы?

Уборщица неожиданно садится. Пауза.

Наташа. Кто еще хочет слова?

Молчание.

Наташа. Что же вы, товарищи?

Молчание.

Гусаков. Давайте я скажу. Я коротенько. По новому плану. Значит, зачитал я план. Что ж, товарищи, в части плана товарищ новый директор неплохо придумала. Неплохо, товарищи, неплохо. Надо прямо сказать. Многие мы не обеспечили, недостаточно развернули, не подняли еще работу на должную высоту. Лично я, товарищи, недостаточно уделял внимания разным вопросам. И это надо прямо сказать. Со всей прямоотой. Но вот тут товарищ новый директор в своем плане пишет насчет летнего сада. Так вот, в части летнего сада. Я так думаю, товарищи, не обеспечим мы этого дела, не подыдем. Вложения произведем, а сад себя не оправдает.

Возьмем эстраду. Надо строить? Надо. Возьмем, дальше, скамейки. Надо? Надо. Кинобудку надо? Надо, товарищи.

Робкий голос. Была кинобудка.

Гусаков. И про кинобудку скажу. *(Вдруг припадочным голосом.)* Что ты мне будку тычешь? Перебивают! Не дают говорить! Не буду я так говорить! *(Пауза. Гусаков как бы приходит в себя.)* Значит, товарищи, в части сада. Электропроводку надо? Надо. Песок, товарищи, надо привезти? Надо. Сколько машин? Вот вы, товарищ новый директор, наверно, не знаете. А я вам скажу. Да, скажу... Тридцать пять машин. Да. Тридцать пять. Машин, товарищи. А народная копейка? Ее беречь надо, товарищи, беречь. А если трудящимся, как правильно сказала товарищ новый директор, нужны летние условия, пускай за город едут. Нам не расширяться надо, товарищи, а, товарищи, углублять. *(Глаза Гусакова сверкают, рука его со свистом рубит воздух. Теперь это оратор во всем своем блеске.)* Надо, товарищи, более! Смелее двигать борьбу за включение в работу по поднятию нашего, товарищи, клуба на высшую ступень. Работать надо, товарищи, а не болтать. Я кончил.

Наташа выходит из ворот клуба.

У тротуара стоит машина. Дверца открывается. Высовывается Андрей Иванович.

Андрей Иванович. Садись, мышка.

Наташа *(усаживаясь рядом с отцом)*. Как хорошо, что ты за мной заехал.

Андрей Иванович *(указывая на заколоченный подъезд)*. Что ж ты не распорядилась открыть парадную дверь?

Машина трогается.

Наташа. Оказывается, папа, нельзя все сразу. В нашем клубе, понимаешь, не так уж все просто.

Андрей Иванович. Хорошо, что ты это поняла.

Наташа. Есть у нас двое таких довольно тяжелых людей — Гусаков и Драпкин. Так вот, папа, боюсь, что мне придется с ними повоевать.

Андрей Иванович. А вот это напрасно. Воевать всякий умеет. Ты научись действовать мирно. Я уверен, что и этот твой Гусаков и тот другой...

Наташа. Драпкин. Он комендант.

Андрей Иванович. ...что они, вероятно, знают свое дело, и если ты в общении с ними сразу же возьмешь верный тон, дружелюбный, безукоризненно вежливый, я бы сказал, товарищеский, — вы сможете отлично сработаться и они во многом тебе помогут.

Наташа *(задумчиво)*. Может быть, ты и прав.

В бильярдной клуба Васька с компанией режутся в «американку».

Появляется швейцар.

Швейцар. Другие дети как дети. В школу ходят, играют в разные игры, там футбол, городки, воздухом дышат. А эти — с утра в бильярдной, в дыму, в грязи...

Васька, нацеливаясь в шар, как бы нечаянно ударяет швейцара тяжелым концом кия.

Швейцар. Ты что делаешь? Подымаешь палку на старого человека. Ой, Вася, директорский сынок! Другие в твоём возрасте на аэропланах летают.

Васька. Ты у меня полетишь отсюда. Скажу отцу — духу твоего здесь не будет.

В кабинете Наташи. Здесь Наташа, Гусаков, Драпкин. Они стоят у окна.

Наташа (*Драпкину*). Я вас вчера просила, товарищ Драпкин, вызвать на двенадцать часов садовода. Сейчас половина первого.

Драпкин. Докладываю, что никак невозможно. Далек живёт. Все курьерши в разгоне были. Сами знаете, послать некого.

Наташа. Тогда сделаем вот что, товарищ Драпкин. Пошлите сейчас же за ним машину, чтобы через полчаса он был здесь.

Драпкин. Докладываю, что никак невозможно. Автомашина в ремонте. Покрышки сдали. Надо делать вулканизацию.

Слышен автомобильный сигнал. Наташа смотрит в окно.

Из ворот гаража выезжает автомобиль, в котором сидит Липа, окружённая корзинками и кошелками.

Гусаков и Драпкин переглядываются.

Наташа (*вздыхает*). Иван Семенович и вот вы, товарищ Драпкин. Мне кажется, что в наших отношениях что-то неладно. Может быть, вам что-то не нравится? Тогда скажите прямо. Я ведь человек неопытный, мне ваша помощь очень нужна. Мне очень хочется жить с вами в мире.

Гусаков (*переглянувшись с Драпкиным*). Что-то ты нам загадки загадываешь, Наталья Андреевна. Ты нам попросту скажи, а так мы не понимаем, среднего образования не получили.

Наташа (*хочет сказать что-то резкое, но сдерживается*). Ну, хорошо, оставим это. Я только хотела сказать, что за три дня моей работы в клубе не выполнено ни одно из моих распоряжений. Я понимаю, сразу сделать все трудно, но ведь не сделаны даже мелочи, которые можно сделать буквально в пять минут.

Гусаков. Как? Почему? Товарищ Драпкин, почему не обеспечили? Где дисциплина?

Драпки н. Докладываю, Иван Семенович. Все распоряжения выполнены.

Наташа. Как вы можете так говорить, товарищ Драпкин? А мебель в гостиной? А книги? А пианино настроить?

Гусаков (говорит, как с *ребенком*). Про это и я скажу. В части мебели — очень просто. Обобьем мы ее новой обивкой, а сейчас лето — выцветет... а-а-а... выцветет. Не по-хозяйски. В части книг товарищ Драпкин мне докладывал. Неправильно рассуждаете, не по-хозяйски. У нас какая публика? Растащат книги, а кто отвечать будет? А? Теперь в части пианино. Это мне тоже товарищ Драпкин докладывал. Я разрешил. Вот отпустят дополнительные средства в третьем квартале — тогда пожалуйста. Настраивайте. Играйте. Я ничего не имею.

Наташа. А этот притон в бильярдной? Сколько раз вы обещали мне, товарищ Драпкин, прекратить это?

Драпки н. Все сделано согласно полученного распоряжения.

Наташа. Вы говорите неправду, товарищ Драпкин. Сегодня утром швейцар сообщил мне, что они по-прежнему там. И не пускают в бильярдную посетителей.

Драпки н. Это клевета со стороны швейцара Котова. Такого швейцара, я извиняюсь, давно надо гнать по шеям.

Наташа. Ну, пойдемте посмотрим.

Идет впереди. Гусаков и Драпкин нехотя следуют за ней.

Наташа открывает дверь в коридор. Становится слышно тихое пение. Где-то репетирует хоровой кружок.

Наташа, Гусаков и Драпкин идут по коридору.

Наташа останавливается у таблички «Уважайте труд уборщиц!». На полу, как и прежде, — переполненная урна и грудa мусора.

Наташа. Надо снять эту глупую надпись.

Драпки н. После выходного снимем.

Наташа. Нет, снимите сейчас. Я вас очень прошу.

Драпки н. Вопросительно смотрит на Гусакова.

Гусаков (после *зловещей паузы*). Надпись-то политическая.

Наташа (смеется). Милый Иван Семенович, ну кто же в нашей стране уважает плохую работу? А хорошую у нас уважают и без надписей. Снимите, снимите, ничего не произойдет. Я вам ручаюсь. И вон ту штуку снимите. (*Показывает на плакат, висящий поперек коридора.*) Ну, что это значит: «Больше внимания разным вопросам»? Снимите, пожалуйста.

Гусаков. Конечно, вы здесь хозяйка и можете делать согласно своего решения. Но я со своей стороны возражаю.

Наташа. Тогда я сама попробую. (*С трудом дотягивается до плакатика и пытается сорвать его со стены. Но он крепко приклеен, и ей удается оторвать от него только узенькую полоску бумаги. Со смущенной улыбкой она оборачивается к Драпкину.*)

Наташа. Вот видите, это не так просто сделать. Бумагу нужно будет соскоблить со стены. Вы, пожалуйста, сегодня же пошлите кого-нибудь это сделать. (Русакову.) А ответственность я беру на себя. Ну, пойдемте.

Они входят в большое фойе, отделяющее входную лестницу от зрительного зала.

В центре фойе висит трехметровое странное сооружение, напоминающее по форме сырную пасху. Это — чудовищное по безвкусице нагромождение пыльных кумачовых тряпок, фанеры, искусственных цветов и крашеных электрических лампочек. В центре монумента из фанеры вырезана звезда, подклеенная изнутри папиросной бумагой. Все это великолепие испещрено разнообразными надписями. Разобрать их совершенно невозможно. В глаза бросаются только многочисленные: «Ударим...», «Подыдем...», «Достигнем...», «Новая ступень...» — и тому подобное.

Гусаков подводит Наташу к сооружению и жестом опытного гида поворачивает выключатель. Сооружение освещается изнутри и снаружи, отчего становится еще безобразнее.

Гусаков. Агитпирамида. Дорогая вещь. Три тысячи потянула. Поверите — ночей не спали. Художник семь раз проект переделывал по моим личным указаниям. Все, дурак, не мог понять, что мне нужно. Зато прямо надо сказать — красиво получилось. Из других клубов приходят смотреть.

Хозяйственно поправляет какую-то фанерную загогулину.

Наташа (мнется). Скажите, Иван Семенович, правду мне говорил швейцар, что здесь, внутри, — фонтан?

Гусаков. Ну да, фонтан. Сырости от него было... А пользы никакой. Весь вид портит.

Наташа. Мне кажется, вы неправы, Иван Семенович. Это здание строил хороший архитектор. Посмотрите, как хорошо и умно все здесь было продумано. Помимо того, что вода всегда красива сама по себе, она ведь еще очищает воздух. Я бы не стала закрывать фонтан. Знаете, откроем его опять. Только вы не огорчайтесь.

Гусаков. Чего? Куда открыть? А это... а-а-а... сломать? На помойку? Три тысячи народных рубликов? Вот до чего договорились. Делайте, делайте, все ломайте, все на помойку! Только я на это смотреть не могу.

Уходит расслабленной походкой.

Наташа. Вот как мы сделаем, товарищ Драпкин. Сейчас начнем снимать эту штуку, а к вечеру пустим воду. Пожалуйста, распорядитесь.

Драпкин. Распорядиться можно, товарищ директор, и воду пустить можно. Только она не пойдет.

Наташа. Не понимаю.

Драпки н. Чего тут не понимать? Кажется, ясно. Трубы поржавели, вся установка попортилась. Пустишь воду, а завтра инспекция придет — кто отвечать будет? Драпки н?

Наташа. Ну, тогда завтра постарайтесь все устроить, а теперь пойдете.

Спускаются по лестнице. Подходят к входной двери, забитой изнутри доской.

Наташа. Сколько раз я вас просила, товарищ Драпки н, открыть наконец входную дверь. Уж кажется, что может быть проще?

Драпки н. Надо бы согласовать. Как-никак, товарищ Гусakov распорядился забить дверь. Он ведь вон где живет. А здесь ходить начнут, сквозняки устраивать. Все-таки живой человек. Надо уважить.

Наташа. Вы, вероятно, шутите, товарищ Драпки н. Или, может быть, вы меня неправильно поняли. Я директор, и я прошу вас, коменданта клуба, открыть эту дверь. Знаете, сделайте-ка это сейчас, при мне.

Драпки н. Сделать недолго. Только без молотка не выйдет. Третий день ищу молоток, не могу найти. Тут ведь гвозди какие? Трехвершковые. Голой рукой не вытащишь!

Наташа. Я просто не понимаю. (Она готова заплакать.)

В этот момент из бильярдной раздается страшный крик.

В кадре появляется швейцар Котов. Он в полном смятении. Его швейцарская тужурка разорвана на спине сверху донизу.

Швейцар. Товарищ директор, сами видите, чего делают, подлецы!

Наташа (Драпки ну). И вы продолжаете утверждать, что в бильярдной наведен порядок?

Драпки н. Не должно быть. Я приказывал.

Наташа. Товарищ Котов, кто там в бильярдной?

Комендант делает ему знаки.

Швейцар (махнув рукой, грустно). Все там. Вся шайка-лейка.

Наташа. Знаете что, товарищ Драпки н, позовите их сюда. Я с ними поговорю.

Драпки н смеется. Даже совершенно растерянный швейцар и тот хихикает в кулак.

Швейцар. Разве они понимают разговор? Их разрывная пуля и та не возьмет.

Наташа. И все-таки позовите их.

Драпки н, пожимая плечами, уходит в бильярдную.

Швейцар, вооружившись шваброй, нерешительно двигается за ним. Через мгновение из двери вылетает шапка Драпки на и падает к ногам Наташи, потом оттуда вырывается туча дыма, и, наконец, пятясь появляются комендант и швейцар. За ними, размахивая горщей газетой, следуют конопатый мальчик и остальные члены

бильярдного сообщества. Очутившись в вестибюле, Драпкин и швейцар перестраивают свои ряды и с криком бросаются в контратаку. Некоторое время они гоняются за мальчиками по вестибюлю, причем швейцар успевает огреть конопатого шваброй по спине, и вся компания устремляется на улицу.

Из бильярдной появляется Васька. Он меланхоличен и нагл. Идет вразвалку. Проходя мимо Наташи, глядит на нее с непередаваемым презрением.

Наташа. Подождите, Вася. Давайте поговорим.

Васька. Язык зачесался?

Наташа. Знаете, Вася, очень нетрудно сказать грубость. Вы бы могли меня и выругать. Я бы нисколько не удивилась. И даже ударить, потому что вы ведь сильнее меня.

Васька (с гордостью). Я женщин не бью.

Наташа (сдерживая улыбку). Ну, вот видите, какой вы благородный. Вам еще остается научиться не бить мужчин, не играть на деньги, не затевать скандалов — и тогда из вас получится настоящий рыцарь.

Васька. Ничего смешного.

Наташа. А я не смеюсь. Я серьезно думаю, что, если вы будете продолжать свои художества, вы можете очень плохо кончить. Мне вас жаль, и именно поэтому я попробую устроить вас обратно в школу. Вы думаете, мне легко будет уговорить вашего директора?

Васька. Никто не просит.

Наташа. Ну, ладно, не будем об этом говорить. А теперь, Вася, у меня к вам очень серьезная просьба. Пожалуйста, не устраивайте больше этих сборищ в бильярдной. Я вас очень прошу.

Васька. Теперь просите. А раньше грозились.

Наташа (подходит к Ваське и кладет ему руку на плечо). А теперь, видите, прошу.

Дверь из квартиры Гусаковых открывается. В нее просовывается голова Липы.

Липа. Васька, домой! (Обращаясь к Наташе). А вам, гражданка, довольно стыдно.

Васька уходит не оборачиваясь. Дверь квартиры Гусаковых с грохотом захлопывается.

Наташа совершенно растеряна.

Мимо проходит комендант с молотком в руках.

Наташа (оправившись от смущения). А, товарищ Драпкин, нашли молоток? Прекрасно. Я думаю, сначала следует оторвать эту доску, а потом...

Драпкин. Некогда мне этим заниматься.

Наташа. Нет, все-таки вам придется заняться этим сейчас.

Драпкин. Товарищ Гусаков не велел.

Наташа. В конце концов, кто здесь директор? Я вам приказываю открыть дверь!

Драпкин. Товарищ Гусаков прикажет — сделаю.

Сад при Дворце культуры имени 1-го Мая. Вернее, бывший сад. Тут есть еще несколько десятков деревьев, следы аллей, полуразрушенная, заросшая травой раковина для оркестра, но все это приобрело до такой степени деревенский вид, что большие дома, да и весь городской пейзаж, окружающий сад, кажутся странными. Повсюду роются куры, шипят гуси, громадная свинья, обложенная поросятами, важно лежит в солнечном квадрате. Развешено для просушки белье. Клубные уборщицы с подоткнутыми подолами носят ящики с рассадой, поливают грядки. Гусаков, без пиджака, но, разумеется, в кепке, копает землю. Потом перестает копать, вытирает пот и, взглянув в сторону, злобно сплевывает. Судя по всему, он увидел нечто до последней степени неприятное.

Другой угол сада. Наташа, швейцар Котов и пожилой человек с карандашом за ухом и записной книжкой в руках производят какие-то измерения.

Котов, разматывая ленту рулетки, бежит в другой конец сада и натягивает ее.

Незнакомец что-то записывает.

Наташа. Вы знаете, я только сейчас вижу, как все это великолепно получится. Зелени здесь достаточно, эстраду мы починим, выкрасим, будет как новенькая, сделаем беседки, аллеи посыплем песком, знаете, таким желтым-желтым, разобьем клумбы... Как вы думаете, еще не поздно посадить махровые левкой?

Садовод (улыбаясь). Я бы вам посоветовал еще красные флоксы — громадную клумбу из одних красных флоксов. Это очень красиво. Понимаете? Только один тон. Никакой пестроты.

Наташа (с увлечением). Правильно. Никакой пестроты. Наш клуб очень хорошо выстроен, и, если бы он не был так запущен...

Садовод. Нда, знаете...

Наташа. Вы не думайте, что я всего этого не понимаю. Но сквозь запустение, безвкусицу и непроходимую скуку я уже вижу тот клуб, который здесь будет. Ну, давайте работать. Товарищ Котов, пройдите вон в тот конец. (Садоводу.) Здесь мы сделаем главную аллею.

Швейцар, пятясь, тянет за собой ленту рулетки. Он подходит теперь совсем близко к Гусакову.

Тот с яростью втыкает в землю лопату и угрожающе направляется к Наташе и садоводу.

Гусаков. Кто такие? Зачем пришли? Кто пустил? Почему такое? Нечего тут мерять, все измерено. Без вас измеряли. Идите,

идите отсюда, гражданин. Вас тут не нанимали по чужим дворам шляться. Тут люди работают. Инвентарь лежит.

Садовод (с удивлением глядя на Наташу). Я не понимаю. Наташа. Иван Семенович, ну нельзя же так.

Гусаков (*наступая на садовода*). Идите, идите, гражданин, пока добром просят. Взяли себе моду. Землемеры. Ты согласуй сначала, а потом меряй.

Теснит садовода к калитке.

Наташа идет за ними, все время пытаюсь что-то сказать. Наконец у самой калитки ей удается вставить несколько слов.

Наташа. Простите меня, что так получилось. Я вам буду звонить.

Садовод, разводя руками, уходит.

Гусаков. Развалить легко, а ты сделай. Ты читала, чего теперь пишут? Всемерно развивать подсобное хозяйство. Про поголовье слыхала? Агроминимум! Поговорим с тобой на бюро.

Наташа (*прижимая руки к груди*). Иван Семенович, это же не подсобное хозяйство, это сад Дома культуры!

Гусаков. А человек, а? Человека забыла? Где забота о человеке?

Наташа. Иван Семенович, нам с вами надо серьезно поговорить.

Гусаков поворачивается к ней спиной и идет к своей грядке. Швейцар осторожно кладет рулетку на землю и, пригнувшись, выбирается из сада под прикрытием кустов.

Наташа делает несколько робких шагов вслед за Гусаковым. Наташа. Иван Семенович...

Потом останавливается, растерянно прикладывает руку ко лбу — и вдруг стремительно выбегает из сада.

Ей вслед смотрят уборщицы, сокрушенно покачивая головами. Наташа быстро взбегаёт по лестнице.

В комнате кружковой работы на столе сидит Драпкин. Перед ним стоит Васька с эмалированной кружкой в руке. Драпкин вынимает из бокового кармана пиджака бутылку водки и наливает в кружку. Васька уже пьян.

Драпкин. А она по тебе сохнет, дурак ты.

Васька (*уныло*). Она не такая.

Драпкин. Такая. Все такие.

Васька пьет из кружки.

Наташа бредет по коридору, сосредоточенно глядя себе под ноги.

Из комнаты кружковой работы вываливается Васька и, почти падая на Наташу, хватается за нее.

Наташа. Что с вами, Вася?

Васька. Ты меня не бойся, не бойся.

Пытается поцеловать.

Наташа, отшатнувшись, дает ему звонкую пощечину.

Всю эту сцену видит Липа, идущая по коридору.

Липа. Змея! Приваживала ребенка, а теперь бьешь?!

Наташа, не говоря ни слова, бежит к своему кабинету.

Двери на ее пути открываются одна за другой, и в них показываются привлеченные криком люди.

Библиотекарша закрывает лицо руками, будто оскорбление нанесено ей самой.

Липа (продолжая *преследование*). Смотрите какая! Не любит, когда правду говорят! Уличные и те себе такого не позволяют!

Наташа пробегает мимо секретарши, которая от неожиданности подавилась куском бутерброда и делает судорожные глотательные движения.

За Наташей захлопывается дверь кабинета. На двери табличка: ДИРЕКТОР Н. А. КАСАТКИНА.

К двери подбегает Липа и пробует открыть ее. Дверь заперта.

Липа. Тоже! Директор! Тьфу на тебя!

Плюет на табличку. Внезапно успокаивается и, как человек, выполнивший свой долг, торжественно выходит в коридор.

Здесь ее подхватывает под руку Драпкин.

Драпкин (*разъяряя положение любопытствующим*). Какая неприятность для мамыши. Это прямо скандал. Понимаете, как ударит его по морде — прямо у меня в глазах помутилось. Интеллигентная женщина, с высшим образованием. Подите тут разберитесь.

К подъезду клуба подъезжает автомобиль. Из него выходит Андрей Иванович.

Что-то сказав шоферу, он направляется к парадному входу.

На дверях все та же неизменная фанера с приглашением ходить со двора.

Андрей Иванович, поглядев на нее, сокрушенно покачивает головой. Идет во двор.

По коридору он идет быстро и останавливается только у входа в комнату секретаря. Прочтя надпись, он открывает дверь и входит.

Андрей Иванович. Будьте добры. Мне нужен директор.

Секретарша. Вам товарища Гусакова?

Андрей Иванович. Нет, Касаткину.

Секретарша. Не знаю, удобно ли. Если по делу, то лучше обратитесь к товарищу Гусакову.

Андрей Иванович. Нет, мне по личному делу. Я ее отец.

Секретарша. Ах, как хорошо, что вы пришли... Пожалуйста, пожалуйста.

Андрей Иванович (встревоженно). А что случилось?

Секретарша. Ах, знаете, у нас такая атмосфера...

Открывает дверь кабинета и впускает Андрея Ивановича.

За письменным столом, выпрямившись, сидит Наташа. По ее лицу текут слезы.

Андрей Иванович. Пойдем домой, девочка.

Наташа отрицательно качает головой.

Андрей Иванович подходит к ней. Гладит ее по голове.

Андрей Иванович. Ты думаешь, я не понимаю? Пойдем. Ты мне все расскажешь. Пойдем, мышка.

Наташа (не меняя позы, *деревянным* голосом). Папа, я не могу уйти отсюда. Я на работе.

Андрей Иванович. Ну, мне это надоело. Когда человек тонет, его не спрашивают, хочет ли он, чтобы его спасли, или не хочет.

Хватает Наташу за руку, вытаскивает из-за стола и ведет к выходу. Первое мгновение она не сопротивляется. Потом пытается вырвать у него свою руку.

У выхода в коридор она успевает обернуться к секретарше и крикнуть ей:

— Я по делу! Если будут звонить...

Наташа не кончает фразы. Дверь за ними захлопывается.

По коридору отец и дочь почти бегут. В фойе на гладком полу Наташа делает последнюю попытку вырваться, упирается изо всех сил ногами, и Андрей Иванович попросту везет ее за собой.

У агитпирамиды стоят Гусаков и Драпкин. Они улыбаются с отвратительной снисходительностью.

Андрей Иванович тащит Наташу вниз по лестнице. Она цепляется за перила.

Внизу швейцар Котов, когда они проносятся мимо него, снимает фуражку с галунами.

Швейцар (*сокрушенно*). Сняли с работы. Пропал ты теперь, Котов.

Андрей Иванович вталкивает Наташу в автомобиль.

В вестибюле клуба.

Швейцар все еще стоит с фуражкой в руке, задумчиво почесывая затылок.

По лестнице спускаются Гусаков и Драпкин.

Если представить себе состояние кролика, впущенного в клетку с двумя удавами, то оно будет в точности соответствовать виду и поведению швейцара в эту минуту.

Удавы приближаются.

Драпкин. Я так думаю, Иван Семенович, что таких типов надо гнать из аппарата железной метлой под зад.

Гусаков. Бегал. Вот этот. С галунами. Рулетку носил! Землемер! Поросят мне перепугал, зараза!

Драпкин (*швейцару*). У тебя отец кто был? Поп?

Швейцар (*хмуро*). Из беднейшего крестьянства.

Гусаков. Придется о швейцаре Котове поставить вопрос. Придется. Вопрос поставить. Вопрос. Поставить.

Швейцар. За что же вопрос? Граждане! Это что же получается? Что я, убил или украл чего?

Гусаков (*устало*). Ладно. Где надо — разберутся. Разберутся. Где надо.

Андрей Иванович и Наташа в автомобиле.

Андрей Иванович. Теперь слушай. В жизни каждого человека бывает такой период, когда он, как доверчивый, толстолапый добрый щенок, всюду тычется, ко всем ласкается. Ему кажется, что его окружают такие же добрые существа, как и он сам. Он ничего не боится. Он дьявольски самоуверен. И наступает минута, непременно наступает минута, когда он получает пинок ногой или обжигает лапы о горячую плиту — и вдруг начинает понимать, что на свете есть не только добрые силы. Он становится осторожным, приобретает житейский опыт.

Наташа (*медленно*). Нет, папа, я не похожа на такого щенка. (*Обращаясь к шоферу.*) Будьте добры, остановитесь здесь, у этого дома.

Андрей Иванович. Ты куда?

Кабинет секретаря райкома.

За столом секретарь — Степан Михайлович Попов. Это человек лет тридцати пяти. Когда он улыбается, лицо его делается добрым, даже обаятельным; когда он серьезен, вряд ли кому-нибудь придет в голову шутить с ним.

Перед столом в кресле — Наташа.

Наташа. ...Мало того. За все это время они не выполнили ни одного моего распоряжения.

Степан Михайлович. Неужели — ни одного?

Наташа. Да. По существу — ни одного. При этом, поверьте мне, я всеми силами стараюсь избегать столкновений. Но вот передо мной какая-то стена.

Степан Михайлович. И вместе с тем они не выступают против вашего плана?

Наташа. В том-то и дело, что не выступают. Они как бы на все соглашаются и в то же время,,.

Степан Михайлович. ... не дают вам ступить ни шагу?
По форме получается у них правильно...

Наташа. Да, да, да. А по существу — издевательство!

Степан Михайлович. А почему вы позволяете над собой издеваться? (Неожиданно улыбается.)

Наташа. Я не позволяю. Впрочем...

В комнату входит человек с бумагой в руке.

Человек с бумагой. Степан Михайлович, тут группа рабочих с тридцать второго завода пишет, что в механическом цехе выделили агитатором человека, у которого самого девять выговоров за опоздания. Он им, понимаете, говорит о борьбе с прогулами, а они смеются — ты сам, говорят, такой.

Степан Михайлович (становится очень серьезным). Давай-ка. (Читает бумагу.) Ты позвони туда, чтобы агитатора заменили, только позвони сейчас же, а секретаря парторганизации вызови завтра ко мне. (Человек с бумагой идет к двери.) Да, подожди. Непременно расскажи об этом случае Емельяновой. Пусть использует сегодня этот факт на собрании агитаторов.

Человек с бумагой уходит.

Степан Михайлович. Да, так я вас слушаю, товарищ Касаткина. Вы говорили, что вы не позволяете над собой издеваться, и все-таки... В чем же тут дело?

Наташа. Нет, я вам сказала не совсем правильно, Степан Михайлович, тут я, кажется, чего-то не понимаю.

Степан Михайлович. Что ж, давайте думать вместе.

Входит помощник секретаря, тот, что раньше входил с бумагой.

Человек с бумагой. Степан Михайлович, Бутылкин пришел.

Степан Михайлович. А секретарь парторганизации?

Человек с бумагой. Он тоже здесь.

Степан Михайлович. Давай их сюда. И дай мне протокол партсобрания.

Человек с бумагой. Вот он.

Помощник уходит. Степан Михайлович проглядывает бумагу.

Наташа. Степан Михайлович, я вам не мешаю?

Степан Михайлович (отрывается от бумаги, секунду думает). Нет, не мешаю, оставайтесь.

В комнату входят Бутылкин (в его лице есть что-то гусаковское) и секретарь парторганизации.

Степан Михайлович (стоя за своим столом). Вот у вас тут в протоколе партсобрания написано: «За систематическую клевету на членов парторганизации, а также беспартийных сотрудников товарищу Бутылкину А. Н. объявить строгий выговор». Это вы Бутылкин А. К?

Бутылкин. Это я, товарищ Попов, и я вам скажу одно (складывает руки на груди): если райком не снимет с меня выговор, то у меня один путь — в воду!

Степан Михайлович (секретарю парторганизации). Ну, а вы что по этому поводу думаете?

Секретарь. Как сказать, товарищ Попов... С одной стороны, факт клеветы установлен, а с другой стороны, товарищ Бутылкин на партсобрании признал свою ошибку...

Бутылкин. Товарищ Попов, я ж признал, чистосердечно признал. За что ж строгий выговор? (Обращаясь к Наташе.) Я же все признал!

Наташа, кусая губы, не отрываясь смотрит на Степана Михайловича.

Степан Михайлович. Значит, вы считаете, что клевета на честных людей — это ошибка?

Секретарь. Так ведь товарищ Бутылкин признал...

Степан Михайлович. Немедленно передать дело прокурору! (Бутылкину.) Можете идти.

Выходит из-за стола и, как бы вытесняя из комнаты Бутылкина и секретаря, идет за ними до двери.

Степан Михайлович возвращается к своему месту. Он снова спокоен.

Степан Михайлович. Значит, на чем же мы остановились? Вы говорили, что вы чего-то не понимаете. Чего же вы не поняли, товарищ Касаткина?

Наташа (подымаясь с места). Нет, вы знаете, Степан Михайлович, я уже все поняла. (Пауза.) Я даже знаю, что вы мне сказали бы.

Степан Михайлович. Вот как?

Наташа. Да, да! Что я не сумела взять в свои руки дело, которое мне поручили.

Степан Михайлович. Что ж, пожалуй, это самое я бы вам и сказал.

Утро в спальне Гусаковых.

Гусаков в подтяжках и кепке. Надевает пиджак.

Липа еще в постели. Она полулежит, приподнявшись на локте.

Липа. Так прямо им и скажи. Десять лет, мол, работаю. Копейки не украл. Поднял на высоту. Пускай назначают директором. А Драпкина — заместителем.

Гусаков. Ворюга твой Драпкин. Подведет меня под статью.

Липа. Много ты понимаешь. Пропал бы ты без него!

В спальню врывается Драпкин.

Драпкин. Липа Григорьевна, пардон, я не смотрю. Иван Семенович! Пришла!

Гусаков. Кто?

Драпкин. Она.

Гусаков. Ну?

Драпкин. Ей-богу.

Липа. Такое нахальство! Нет у людей совести!

Гусаков. Липочка, как же теперь, а-а-а?

Липа. Драпкин, как же теперь?

Драпкин. А что — как же! Заложим в мясорубку, покрутим ручку, и нет ее. Обыкновенный способ.

Липа. Слышал, что умные люди говорят?

Гусаков. Слава богу, сам не дурак.

Уходит решительными шагами.

Липа (протягивает к Драпкину толстые голые руки). Драпкин, ты меня замучил, проклятый!

Драпкин. Спокойненько, Липа Григорьевна, будем держать себя в рамках. Видите, человек на работе.

Уходит вслед за Гусаковым.

Гусаков входит в кабинет Наташи.

Крупно: Наташа низко склонилась над столом. Она что-то пишет.

Гусаков. Что, барышня, надавал папаша по мягкому месту?

Наташа поднимает голову и некоторое время смотрит на Гусакова, как бы видя его впервые. Гусаков не выдерживает ее взгляда, смотрит в сторону, потом под ноги.

Наташа. Немедленно снимите шапку. Вы в комнате.

Гусаков. Чего — в комнате? Почему — шапку? Что такое?

Наташа. Перестаньте кривляться. Теперь это не поможет. Ну! Что я сказала? Немедленно снять шапку!

Хватает со стола тяжелое пресс-папье и с силой ударяет им по столу.

Зловещая пауза.

Гусаков медленно поднимает руку и стаскивает кепку, обнажая квадратную бритую голову.

Наташа с яростью нажимает всей ладонью на кнопку звонка.

Крупно: пронзительно звонящий звонок.

Секретарша вскакивает и бежит на зов.

Наташа. Я перехожу в свой кабинет. Перенесите туда дела и перевесьте таблички!

Быстро выходит из комнаты. Гусаков плетется за ней.

В кабинете Гусакова.

Наташа открывает ящики стола. В одном из них обнаруживает целую гору бумажных птичек. Выбрасывает их на пол. Отшвыривает ногой.

Гусаков оторопело глядит на нее.

Наташа снова пронзительно и долго звонит.

Вбегает секретарша с кипой бумаг. Она возбуждена и полна энергии.

Наташа. Принесите машинку.

Секретарша убегает и сейчас же возвращается с пишущей машинкой.

Наташа. Пишите. Приказ. С новой строки. Пункт первый. Заместителю директора Гусакову И. С. объявить строгий выговор за развал работы.

Входит Драпкин.

Драпкин (бодро). Кто звонок испортил? Отвечать кто будет?

Наташа (не глядя на Драпкина, диктует). Пункт второй. Комендант клуба Драпкин... Как имя, отчество?

Гусаков (поспешно). Федор Матвеевич.

Наташа. Написали — Драпкин? Инициалы — Ф. М. Сего числа за нарушение дисциплины и развал работы увольняется без выходного пособия. Подпись: директор Дворца культуры, секретарь. Написали? Давайте сюда.

Подписывает приказ.

Наташа. Вывесите на видном месте.

Гусаков. За что же выговор? Наталья Андреевна...

Наташа. И еще поставлю о вас вопрос на бюро.

Гусаков (нудным голосом). За что ж — вопрос? Что я, ограбил кого или украл?

Наташа (Гусакову). У меня нет времени с вами разговаривать. (Драпкину.) А вы зачем здесь стоите? Уходите отсюда.

Драпкин (все еще не понимая, что произошло). Это по какому праву? Скажите какая!

Наташа (секретарше). Пожалуйста, позовите товарища Котова.

Гусаков (угодливо кидаясь к двери и распахивая ее). А он тут.

В открытую дверь видна толпа любопытствующих сотрудников. Впереди — Котов. Он нерешительно входит в комнату.

Наташа (секретарше). Пишите. Приказ. С сего числа товарищ Котов... Инициалы?

Гусаков (Котову). Тебя как звать? Слышишь, спрашивают?

Швейцар. Кузьма Иванович.

Наташа. Написали? Товарищ Котов К. И. освобождается от должности швейцара и назначается комендантом Дворца культуры. Давайте.

Подписывает приказ.

Гусаков (вкрадчиво). Так он же неграмотный, Наталья Андреевна.

Котов. Это кто — неграмотный? Я вышеназначенный кончил. Я газеты читаю. А ты что кончил?

Драпкин (с гусаковскими *припадочными* интонациями). Это что ж такое! Граждане! Я не согласен!

Наташа (указывая на Драпкина). Товарищ комендант, удалите этого гражданина.

Котов. Куда удалить?

Наташа. Куда хотите. Чтобы я его здесь, в нашем клубе, не видела!

Котов (берет Драпкина за руку). Пойдем, что ли.

Драпкин (пытаясь вырваться). Это что ж делается? Товарищ Гусаков, обратите внимание!

Котов. Иди, иди, где надо разберутся.

Позади толпы сотрудников, взобравшись на стул, привстав на носки и стараясь увидеть происходящее в кабинете, стоит Липа.

Котов выводит Драпкина из кабинета.

Наташа подходит к двери и обращается к сотрудникам, заглядывающим в кабинет.

Наташа. Входите, товарищи.

Сотрудники входят в кабинет.

Вестибюль. Котов подводит Драпкина к запертой двери.

Котов. Открывай!

Сует ему в руки молоток. Сам берет топор.

В одно мгновение доска отодрана и дверь открыта.

Котов. Пожалуйста, ваше благородие.

Драпкин. Смотри, швейцар, плохо тебе будет.

Котов толкает его, и Драпкин вылетает на улицу. Котов, скрестив на груди руки, смотрит ему вслед, потом грозит пальцем.

В вестибюль врывается Васька.

Васька. Кто разрешил открывать? Почему не спросили? .

Котов. Ах, ах, забыли. Может, заявление вам написать, а вы резолюцию положите?

Поворачивается к Ваське спиной, делает несколько шагов. Потом, обернувшись, небрежно говорит.

Котов. Между прочим, заберите ваших свиной-утей, будем ликвидировать ваше единоличное хозяйство.

Кабинет. Наташа продолжает диктовать.

Наташа. Пишите дальше. Приказ. Сего числа увольняется, как не справившаяся с работой, заведующая буфетом Гусакова Олимпиада...

Гусаков (запинаясь). Григорьевна.

Наташа. Григорьевна.

Слышен грохот.

Липа с криком падает со стула.

Наташа. Заведующей буфетом назначается... назначается... (Ищет кого-то *взглядом*.) Нюра! Да, да, да, это я вам, Нюра! Идите сюда.

Проходит та самая Нюра, которая выступала на собрании.

Наташа. Справитесь?

Нюра (*тряхнув головой*). Почему же не справлюсь? Справлюсь.

Наташа. Значит, заведующей буфетом назначается товарищ Зайкина Анна Спиридоновна.

Нюра (бойко). Наталья Андреевна! Я *думаю*, буфет мы закроем, а откроем столовую (глотает *слюну*), вроде как бы ресторан. (Поспешно, боясь, что ее перебьют, *вываливает свои идеи*.) Помещение — лучше не надо. Столы, стулья, посуда, скатерти — все есть. Кухня — лучше не надо. А повар, Архипов, — он же шефом был, ну буквально все умеет готовить. И штату прибавлять не надо. Чем в гусаковском саду копать, пусть люди полезное дело делают.

Гусаков (подхалимским голосом). Правильно товарищ Нюра говорит.

Нюра. Теперь — правильно, а кто довел буфет до состояния? Вы не поверите, Наталья Андреевна, такими бутербродами торговали, что кошке стыдно дать. (Поспешно.) И еще у меня есть одно предложение...

Библиотекарша (*перебивает*). Смешно сказать, Наталья Андреевна, — у нас нет литературного кружка. А если бы вы знали, какая тяга, какая тяга! Среди читателей, особенно молодежи, есть такие любители, прямо таланты. И вот я мечтаю, чтоб они собирались, чтоб были литературные вечера, чтоб читали стихи... Или вот, я слышала, живописцы жалуются, что им негде выставить картины. У нас стены пустуют. Надо устроить выставку картин!..

Учитель танцев. В нашем клубе происходит прямая недооценка балльных танцев. Многие даже называют их бытовыми танцами, с чем лично я не согласен. Между тем танец — это явление первостепенной важности. Танец воспитывает в молодежи вежливость, умение себя держать. А в какой, мягко выражаясь, обстановке происходят у нас занятия?.. И потом, дети. Есть очень способные дети, и однажды я пытался их собрать. И что же? Товарищ Гусаков...

Человек бухгалтерского вида (*страшным басом*). Возьмите бухгалтерию. Нет, вы бухгалтерию возьмите. Пора, давно пора навести у нас в бухгалтерии большевистский порядок.

Наташа (смеется). Подождите, товарищи, нельзя так сразу!

В котельной Дворца культуры, на фоне величественных отопительных механизмов, среди кранов и труб, новый комендант Котов держит речь персоналу.

Перед ним стоят истопники, водопроводчики, дворники и ночные сторожа.

Котов. Возьмем, товарищи, например, обыкновенные часы, карманные или там ходики. Сколько в них всяких винтиков, гаечек, колесиков, шайбочек! А люди что? Делают их уже без малого тысячу лет. Даже еще буржуазия это умела. А клуб? Рабочий клуб? Мы это первые делаем в мире. А это что означает? (Истопнику.) А это означает, что если ты топишь, то топи так, чтоб не запарить людей и чтоб холодно не было. А чтоб было человеку приятно. Чтоб ему, может, снова захотелось прийти в клуб, полюбоваться, как тут хорошо топят. Понятно?

Открывается дверь директорского кабинета, из которой поспешно расходятся в разные стороны возбужденные сотрудники.

Сидя за своим столом, Наташа вытирает платком счастливое, утомленное лицо.

Начинается музыка.

Открываются окна. Одно, другое, третье-

Уборщицы, стоя на подоконниках, протирают стекла.

Котов с водопроводчиком разбирают агитпирамиду. Из-под нее возникают очертания фонтана.

Настройщик разбирает фортепиано. Отодрав инвентарный номерок, прибитый комендантом, он полирует испорченное место.

В ворота клуба въезжает автомобиль, нагруженный книгами. В нем сидит счастливая библиотечка.

В саду клуба укатывают дорожки. Сажают цветы. Красят раковину для оркестра. Наташа, в халатике, с перепачканным лицом, объясняет что-то маляру.

В комнате шахматного кружка. На столиках — шахматные часы. Над ними — яркие лампы. Теперь это подлинный рай для шахматистов.

Мастер натягивает на бильярдный стол новое сукно.

Гардероб, оборудованный по последнему слову гардеробной техники. На крючках множество пальто и шляп.

Секретарша, похорошевшая и помолодевшая, с цветком в волосах, надписывает пригласительные билеты и вкладывает их в конверты.

Крупно: пригласительный билет.

«Клуб имени 1-го Мая приглашает Вас на торжественное открытие летнего сада. Большой концерт. Танцы. В зимнем помещении открыта выставка картин».

Десятки рук, распечатавающих конверты с пригласительными билетами.

Наплывом сменяющиеся кадры. Люди принаряжаются перед выходом из дому.

Музыка достигает наибольшей силы и торжественности.

Вечер. Освещенное здание клуба.

Широко раскрытая входная дверь. Люди входят в нее, поднимаются по лестнице.

Переполненное фойе — здесь выставка картин.

В центре, на месте агитпирамиды, бьет фонтан. Он очень красиво освещен.

В светлой раковине клубного сада симфонический оркестр исполняет увертюру к «Руслану и Людмиле».

Андрей Иванович быстро проходит по комнатам клуба, оглядываясь по сторонам. Он кого-то ищет.

Внезапно Андрей Иванович останавливается в крайнем удивлении.

Наташа, в переднике и беленькой косынке, несет на подносе бутылку и несколько стаканов. Она подходит к столику, за которым сидит компания посетителей, расставляет на столе принесенное, отвечает на какой-то вопрос, улыбается и уходит.

Наташа в павильоне. Снимает с себя передник и косынку и передает их официантке.

Наташа. Видели? Ничего нет трудного. Главное — правильно запомнить заказ, быстро сосчитать деньги и не раздражаться. Ни в коем случае не раздражаться, что бы ни произошло.

Н ю р а (стоящая рядом). Ты не робей, Валя.

Наташа с отцом сидят за столиком в саду.

А н д р е й И в а н о в и ч. Смотри, директор, если ситро окажется теплым...

Наташа, Ты меня уведешь домой за руку?

Андрей Иванович. Вот злопамятная.

Входит официантка в переднике и косыночке и, улыбаясь, как это ей показывала Наташа, разливает сидро по стаканам.

Крупно: запотевший стакан, который Андрей Иванович поднимает перед собой.

Комната Гусаковых.

На обеденном столе сдвинута скатерть. Гусаков, по обыкновению в подтяжках и кепке, высунув язык, сочиняет донос. Делается это при помощи на редкость невинных орудий — тоненькой школьной ручки и чернильницы-невыливайки.

За спиной Гусакова стоят Липа и Драпкин.

Драпкин. Теперь пишите, Иван Семенович, пункт шестнадцатый... А также проявляла барски-пренебрежительное отношение к низшему персоналу. Теперь подписывайте.

Гусаков (подписывая). А ты?

Драпкин. А мне чего подписывать? Я беспартийный. {Пауза.} Теперь давай пиши от Васькиного лица... И Васька пускай подписет.

Зал клуба. Облокотившись на трибуну, Драпкин произносит речь.

Драпкин. ...И что мы видим, товарищи? Я человек прямой. Я скажу прямо, что мы видим. Мы видим на сегодняшний день провал клубной работы, Пусть товарищ Касаткина нам ответит, подавал я сигналы своевременно или не подавал? Пусть скажет. Пусть здесь скажет...

Наташа слушает речь Драпкина. Лицо ее совершенно спокойно.

Драпкин. ... Молчи-ит! Не любит самокритики. Потому и уволила. Товарищи, я человек беспартийный. Но в части советской копейки кто был на высоте? Я был на высоте, а не, товарищи, партийная Касаткина. Возьмем электроэнергию, возьмем, товарищи, мебель, возьмем в части текущего ремонта или в части обыкновенной воды! Недавно захожу в клуб — я уже тогда не работал, — смотрю на водомер, и у меня прямо душа заболела — такой перерасход воды! И чтобы не быть, товарищи, голословным, я прямо перейду к оглашению цифр. (Читает по бумажке.) За три месяца товарищ Касаткина выбросила кошке под хвост восемьдесят тысяч народных рубликов.

Гусаков (с места). Правильно.

На лице Гусакова благостная улыбка. Он одобрительно кивает головой. Липа что-то шепчет ему на ухо.

Входит Степан Михайлович и, никем не замеченный, садится на стул в уголке. Смотрит на часы. Вдыхает.

Голос Драпкина. ...А что, товарищи, плохо было в клубе до прихода товарища Касаткиной? Хорошо было. Я человек прямой. Если бы было плохо, то я бы так и сказал — плохо! А я как говорю? Говорю — хорошо. А благодаря кого?

Здесь Драпкин почти поет, мерно взмахивая обеими руками.

Драпкин. Благодаря... товарища... Гусакова. Но его работа и так достаточно всем известна, и не нужно перечислять. Мы лучше вернемся обратно к товарищу Касаткиной. И я вас спрошу: как, по-вашему, что она сделала, как только меня уволила из клуба? Вот не угадаете? Ну, тогда я скажу...

Все поворачиваются к Наташе.

На нее с сочувствием смотрят сидящие в президиуме библиотекарша и человек бухгалтерского вида.

На нее с ненавистью смотрят Гусаков и Липа.

С такой симпатией и страхом смотрят на нее уборщицы, Нюра, Котов, секретарша и еще какие-то люди.

Голос Драпкина. ...Я, товарищи, все скажу, я человек прямой. Она посрывала со всего инвентаря — ну, что бы вы думали? — инвентарные номерки установленного образца, стационарно прибитые прежним руководством. (Драпкин переводит дыхание.) А зачем, спрашивается? Может, товарищ Касаткина вам скажет — для большей красоты. А я скажу попросту — для удобства хищения.

Гусаков. Правильно!

Драпкин. И я хочу вас спросить, товарищи, что это значит? А это значит, что нам открылось кое-какое лицо и этого лица надо выжигать каленой метлой. И я кончил, товарищи.

Человек бухгалтерского вида (он председательствует). Кто еще хочет высказаться?

На трибуне Гусаков. Его основной ораторский прием заключается в том, что во время речи он поднимает и переносит с места на место стул, стоящий на возвышении.

Гусаков. ...Как мы видели, этого вопроса уже достаточно коснулся в своей яркой и содержательной речи товарищ Драпкин. И я накоротке уже сказал об этом достаточно. Достаточно. Достаточно. И-и-и, как сказать... (поднимает стул) штука здесь не в том. В чем же тут штука, товарищи? А в том тут штука, что товарищ Касаткина (медленно несет стул вдоль эстрады) ...проводила. Неправильную. Политическую. Линию. (Ставит стул и пробует его устойчивость.) Возьмем, так сказать, агитпирамиду. Все вы ее, конечно, знаете. Всем известно, что членская масса училась на агитпирамиде. Училась. На пирамиде. Усиливала свои профзнания, углубляла свой идейный багаж. Членская масса. А что мы имеем на сегодняшний день? Пущена вода. Вместо учебы — вода. На чью мельницу вода?

Как это понимать, товарищи? *(Испытующе* смотрит по сторонам.) Или вот мы писали: «Клубным активом ударим по срывщикам клубной работы!» Снята надпись. Кем снята? Товарищем Касаткиной. А кому такая надпись может не понравиться? Я так думаю, товарищи, что срывщикам. Да. Срывщикам. Или возьмем другие политические ошибки. В отношении низшего персонала. Висит плакат: «Уважайте труд уборщиц!» Подходит товарищ Касаткина и хочет срывать. Конечно, подаю сигнал. Было это, товарищ Касаткина?

Все смотрят на Наташу. Наташа молчит.

Голос Гусакова. Было это. Подал сигнал, по-товарищески подал. А она что? Сорвала плакат. С вредным смехом.

Д р а п к и н. Позор!

Гусаков *(припадочным* голосом). Это что ж? Как назвать? Барски-пренебрежительное? Уборщица, значит, не человек? *(Внезапно успокаивается и поднимает стул.)* Пойдем дальше. *(Идет со стулом.)* Берем массовую работу. Была у нас в клубе комната кружковой работы. Вели работу. Вовлекали людей. Что делает Касаткина? Снимает табличку «Комната кружковой работы», разбазаривает культинвентарь и открывает там, стыдно сказать, гостиную. *(Ставит стул.)* Что к нам, гости ходят, что им, нужна гостиная? Ой, рано, рано, товарищ Касаткина, ты завлекаешь нас отдыхать, размагничиваешь, демобилизуешь! Не бароны, чтоб отдыхать. Не бароны! Не графы! *(Вытирает платком лоб.)* Пошли дальше. *(Берет стул и снова идет с ним.)* Теперь в отношении планирования программы. Остановимся на этом вопросе. *(Ставит стул.)* На что это курс, товарищи? Этот курс вам известен. Это курс на голое развлекательство. И я вам скажу, товарищи, — это не наш курс. Не наш. Курс. А чей это курс? Пусть товарищ Касаткина нам скажет.

Наташа по-прежнему молчит.

Голос Гусакова. Теперь молчит. А раньше она не молчала, товарищи. Только ее и слышно было. Крики. И даже удары. Не секрет, товарищи, что она и детей хлестала по лицу. Не хочет о себе говорить. Но надо, товарищи, надо. Надо. Меня пыталась вывести из строя. Стучала на меня разными предметами. *(Пауза.)* Не вышло. Своевременно дал по рукам. И была у меня одна ошибка. Недостаточно дал. Проявил интеллигентскую мягкотелость. И надо из всего этого сделать соответствующие выводы. Надо, товарищи, более! Надо обеспечить усиление! Надо двинуть вперед! Поднять выше! Добиться внедрения! Вот что нам нужно, товарищи, а не фонтаны!

В комнате полная тишина. Гусаков идет к своему месту. Председатель искоса поглядывает на членов президиума.

В тишине очень отчетливо раздается голос Наташи.

Наташа. До чего все это глупо!

Движение в зале. Визг гусаковской клики.

Драпкин. Позор!

Гусаков. Распоясалась! Лицо показала!

Липа. Змея какая!

Председатель звонит в колокольчик.

Председатель. Товарищ Касаткина, против вас выдвинуты обвинения, и вам следует ответить на них, а не ругаться.

Наташа *(поднимаясь с места)*. Я сказала о глупости вовсе не для того, чтобы выругаться, прошу рассматривать мое замечание как политическое обвинение.

Выходит на трибуну.

Наташа. Демагогия Гусаковых имеет одну особенность — она лишена какого бы то ни было смысла. Есть только видимость слов, а за этими словами — полная пустота. Это очень серьезное и очень болезненное явление нашей жизни. Но, прежде чем говорить о нем подробно, я отвечу на те обвинения, которые были выдвинуты против меня. Сначала — о гражданине Драпкине. Он обвинил меня в том, что за три месяца я израсходовала на реорганизацию клуба восемьдесят тысяч рублей. Он ошибся.

Драпкин *(с места)*. Следы заметаешь.

Наташа. На самом деле за это время израсходовано больше — девяносто две тысячи. Но за это же время число посетителей в клубе выросло во много раз. И благодаря этому увеличились наши доходы. Таким образом, перерасхода у нас нет. *(Пауза.)* Что касается инвентарных номерков, то их действительно сняли, потому что они были прибиты на самых видных местах и уродовали мебель. Мы их прибили к невидным местам. В этом очень легко убедиться.

Председатель заглядывает под стол.

Председатель. Номерок есть.

Наташа. Ну, вот видите. В сущности, это все, о чем говорил гражданин Драпкин. Он упоминал еще об экономии воды и электричества. Так вот. Этот злополучный фонтан обходится нам в день ровным счетом в тридцать восемь копеек, а электрическую энергию мы расходует в пределах нормы, как и все другие клубы. Теперь — об увольнении Драпкина. Я уволила его не потому, что боялась его критики, которой, кстати, никогда и не было, а потому, что он устроил в клубе игорный притон и брал за это деньги с подростков.

Котов. Обязательно брал с них деньги: по десятке, по пятерке — как когда.

Наташа. Ну, вот видите... Кроме того... Аким Акимыч! *(Обращается к человеку бухгалтерского вида.)* Вы взяли с собой документы?

Бухгалтер. Взял, Наталья Андреевна. *(Показывает бумагу.)*

Наташа. ...Оказалось, что в прошлом году гражданин Драпкин имел неосторожность растратить восемьсот шестьдесят два, выражаясь его словами, народных рублика. Мы передали это дело в прокуратуру.

Драпкин осторожно выбирается из комнаты.

Наташа. Куда же вы? Сядьте!

Драпкин испуганно садится.

Наташа. Теперь о тяжелых политических обвинениях, выдвинутых против меня Гусаковым. Они так же глупы и бессмысленны, как и обвинения этого негодяя. *(Показывает на Драпкина.)*

Драпкин быстро-быстро моргает глазами.

Наташа. Я действительно уничтожила целый ряд самых разнообразных надписей, которыми были оклеены стены нашего клуба. И распорядилась убрать этот странный, пыльный и безобразный предмет, который Гусаков горделиво называет агитпирамидой. Все это я сделала сознательно и по соображениям действительно политическим; потому что нет ничего вреднее для пропаганды коммунизма, чем вульгарное опoшление этой пропаганды. Я сохранила один транспарант. Вот он. Помогите мне, товарищи, развернуть его.

Разворачивает кумачовую полосу, на которой написано:

ПОДНЯТЬ КЛУБНУЮ РАБОТУ НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ!

Наташа. Прочли, товарищи? На первый взгляд — правильно. А если вдуматься — совершенный вздор. Посетителям клуба предлагается делать то, что должны делать мы, работники клуба, и что должен был делать он, Гусаков. Вместо того чтобы действительно поднимать клубную работу на высшую ступень, он вывешивал плакаты с призывами сделать это. Он не работал, прикрывая свое безделье криками о том, что нужно работать.

Гусаков сидит с независимым лицом, пожимая плечами. Судя по всему, он совершенно не понимает, о чем идет речь.

Наташа. Я начала с того, что считаю глупость при некоторых обстоятельствах политически опасной. Программа, директива, лозунг — все это руководства к действию. Их надо понимать и осуществлять. А Гусаковы заменяют действие лозунгами, повторяя их до тех пор, пока они теряют свой смысл. Они борются за чистоту вместо того, чтобы подметать!

Голоса. Правильно! *(Аплодисменты.)*

Председатель. Разрешите эти аплодисменты считать...

Аплодисменты усиливаются. Все поднимаются с мест.

Выходя вместе со всеми из зала, Наташа сталкивается со Степаном Михайловичем.

Степан Михайлович. А у вас, знаете, появилась твердость. Тон взяли правильный... Ну, мне пора. До свидания.

Наташу окружают товарищи по работе, поздравляют ее, жмут ей руку.

Наташа, Андрей Иванович и Барабанов идут по улице. В центре — Наташа.

Наташа (Барабанову). Папа мне все уши прожужжал о том, какой ты хороший.

Барабанов. А я и есть хороший.

Наташа. Знаешь, ты, кажется, даже лучше, чем сам думаешь. Правда, папа?

Андрей Иванович. Много тебе понадобилось времени, чтобы это понять. Ну, ладно, не буду тебя сегодня мучить.

Как говорится — победителей не судят. Но если ты хочешь хоть раз в жизни *меня* послушать, перестань наконец совать нос не в свои дела. Хорошо, мышка?

Заглядывает ей в глаза. Но Наташа его не видит. Взор ее устремлен куда-то вперед.

К остановке подходит трамвай.

Очень маленький мальчик повис на трамвайном буфере.

Андрей Иванович. Наташа, ты этого не сделаешь!

Наташа вырывается и бежит.

Наташа (подбегает к *мальчику*). Слезь сейчас же! Слышишь?

Мальчик и ухом не ведет.

Трамвай трогается.

Наташа, помедлив секунду, бежит за ним.

Андрей Иванович (разводит *руками*). Беспкойный человек! (*Пауза.*) И кажется, именно за это я ее особенно люблю. (*Барабанову.*) А вы?

Барабанов. Я ее люблю и за это и вообще за все.

Наташа бежит по мостовой за трамваем все дальше от аппарата. Стакивает мальчика с буфера и, жестикулируя, в чем-то его убеждает.